

Вера Мосова

У ИЗГОЛОВЬЯ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Вера Мосова

У изголовья прошлых лет

«Издательские решения»

Мосова В.

У изголовья прошлых лет / В. Мосова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902325-4

Всегда ли так важно докопаться до тайн прошлого? А каково же узнать про злой рок, довлеющий уже над несколькими поколениями семьи? Принять всё это? Поверить? Или скептически улыбнуться и забыть? А может, лучше бы и вовсе не знать никаких подробностей? Эти вопросы мучают главную героиню романа Женьку Туманову, случайно нашедшую старые записи своей прабабушки. Прошлое, неожиданно вторгшееся в её жизнь, однажды стало угрозой Женькиному счастью.

ISBN 978-5-44-902325-4

© Мосова В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

У изголовья прошлых лет

Вера Мосова

Иллюстратор Мария Лебедева

© Вера Мосова, 2018

© Мария Лебедева, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-2325-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Ифигения в Тавриде

Паром плавно скользит по морской глади, южное солнце слепит глаза, и, несмотря на тёмные очки, Женьке приходится слегка щуриться. Но это, как ни странно, не доставляет ей неудобства. Ведь она полна предвкушений – впереди две недели долгожданного отдыха в приморском пансионате. Вот оно, благодатное тепло! Вот море, к которому рвалась она всей душой. Волны, играя, плещутся далеко внизу. Женька стоит на палубе парома, который везёт её в Керчь. А там... Зажмурившись, она пытается представить, что ждёт её впереди.

За свою недолгую жизнь она лишь однажды была на море, да и то в далёком детстве. От той поездки осталось ощущение какого-то внутреннего трепета перед огромным водным пространством. Море воспринималось ею, как некое живое загадочное существо. Оно дышало, собирая в пену миллионы пузырьков, оно пело, накатывая волной на берег, оно манило и пугало одновременно. Пятилетняя Женька, замирая, прислушивалась к его дыханию, забрасывала родителей вопросами, которые казались им забавными и вызвали улыбки, а порой и весёлый смех, что очень обижало малышку. Иногда по вечерам она звала маму на берег.

– Что там делать в такой поздний час? – недовольно спрашивала та.

– С морем поговорить хочу.

– Завтра и поговоришь, – подхватывал отец.

– Нет, вы не понимаете! – настаивала девчушка. – Днём оно говорит со всеми сразу, а вечером – только со мной!

И родители вынуждены были устраивать поздние прогулки на берег, где Женька садилась на ещё не остывший камень, смотрела на лунную дорожку и что-то тихо шептала. А мама с папой в обнимку стояли в сторонке, чтобы не мешать беседе дочки с морем. В последний вечер перед отъездом, сложив рупором маленькие ладошки, Женька громко крикнула своему непостижимому другу:

– Я вернусь к тебе! Ты жди меня! И не скучай!

Словно услышав её, море тут же наполнилось волной на берег, замочив маленькие сандалики.

С той поры образ моря навсегда поселился в её сознании, но вернуться к нему Женьке до сих пор не удавалось. Вскоре после той поездки папа тяжело заболел, а потом его не стало. Мама из последних сил поднимала дочь. На скромную зарплату школьного библиотекаря не очень-то пошikuешь, поэтому отпуск они обычно проводили на бабушкиной даче, уже не до моря было.

После школы Женька поступила в театрально-художественный колледж и, получив диплом художника по гриму, устроилась на работу в театр. Ей всё там нравилось: и сам процесс создания образов, и актёры, и даже закулисные интриги, привносившие в жизнь труппы некий драйв, – но, столкнувшись однажды с кинематографом, Женька, не раздумывая, порвала с театром. Она поняла, что это и есть её стихия. Конечно, работа в кинопроизводстве не была стабильной, между проектами порой выпадали большие периоды безвременья, но мир кино отныне стал её жизнью. Он был сродни морю, которое по-прежнему не отпускало. Оно часто являлось во снах, неизменно маня к себе. Море продолжало с ней разговаривать! Могло нежно рокотать и бурно неистовствовать, мягко шелестеть пеной у берега или вздыматься огромной стеной. В такие дни она просыпалась совершенно счастливой, как в далёком детстве.

Женька улыбнулась нахлынувшим воспоминаниям.

– Здравствуй, море! Я вернулась к тебе! – прокричала она мысленно и представила, как удивится и обрадуется Игорь, когда она появится в их номере. Интересно, он уже вернулся со съёмок или ещё работает? Пару часов назад от него пришло очередное сообщение: «Скучаю,

жду, вождею!»). Она смущённо закрыла глаза, вспомнив эти слова. Игорь любит шокировать её своими откровенными высказываниями, и Женькино смущение его как будто забавляет.

Они познакомились год назад на съёмках очередного сериала про любовь и разлуку, где Игорь играл героя-любовника. Дело было на окраине старинного подмосковного городка во время натуральных съёмок. Женька тогда приехала заменить свою хорошую знакомую и коллегу Ларису Петровну, которую с острым приступом аппендицита увезли в больницу, и та, сожалея, что невольно подводит всю съёмочную группу, оставила режиссёру Женькин телефон.

Когда Игорь в первый раз пришёл к ней на грим, то буквально остолбенел. И было от чего – перед ним возникла стройная девичья фигурка в лёгком белом сарафане в мелкий синий цветочек. Длинная русая коса, перекинута через плечо, достигала пояса, а пронзительно-голубые глаза смотрели, казалось, в самую душу. Прямая осанка, мягкие движения рук и изящные тонкие запястья довершали образ.

– Барышня, из какого мира Вы явились сюда? – слегка оправившись, произнёс Игорь. – Это немыслимо! Тургеневская девушка! Здесь! Сейчас! Я немедленно хочу узнать Ваше имя!

– Евгения, – застенчиво ответила она.

– Божественная! – артистично возведя руки, проговорил он. – Ифигения! Именно так я и стану Вас называть!

– Ифигения не богиня! – попыталась возразить Женька. – Она всего лишь жрица храма Артемиды.

– А для меня богиня! Навеки! – не без патетики воскликнул он. – Надеюсь, я не буду за это умерщвлён пред алтарём Артемиды?

Смущённо покачав головой, Женька усадила актёра в кресло и принялась за работу, в то время как он буквально поедал её глазами, шутил и дарил белозубые улыбки. Потом взял хрупкую ладонь девушки в свою и сказал, что впервые его гримирует богиня. Она осторожно высвободила руку, а он продолжал говорить, что эти нежные пальчики созданы только для того, чтобы их целовать, что от их лёгких прикосновений он тает и возносится на небеса. Она в ответ лишь рассмеялась, но парень запал ей в душу, и на следующее утро смущённая Ифигения с нетерпением выглядывала из своего гримвагена в надежде увидеть знакомый силуэт.

С той поры и завязался их роман. Было начало лета, в воздухе витал лёгкий аромат полевых цветов, дружно гудели пчёлы, а утреннее солнце многообещающе улыбалось, словно напоминая, что впереди ждёт удивительно тихий и тёплый вечер. А что может быть лучше для первых свиданий? Игорь в то время расстался со своей звёздной женой и искал утешения, а Женька, тут же влюбившаяся по уши, искренне верила, что именно в ней он и нашёл своё спасение. С тех съёмок она вернулась совершенно другим человеком. По её светящемуся взгляду мама всё поняла без лишних слов и даже украдкой смахнула слезу, радуясь за дочь и сожалея, что Женькин отец не видит сияющих счастьем глаз своей любимицы.

Свидания, букеты, прогулки по городу и романтические ужины наполнили жизнь новым звучанием. Женька и не заметила, как промчалось лето, а осенью Игорь предложил переехать жить к нему. Она согласилась, ни минуты не раздумывая. Оба много работали и чаще всего на разных проектах, что вынуждало их жить в постоянных разлуках. Но за весь прошедший год Женька ни разу не пожалела о своём выборе и с нетерпением ждала свадьбы, уже назначенной на осень. Будущая свекровь приняла новую пассию сына вполне благосклонно и даже порадовалась, что потенциальная невестка, в отличие от его первой жены, не актриса.

– Эта хоть звездить не будет! – заявила она Игорю. – В то же время хорошо, что она из ваших, из киношного круга, значит, понимает всю специфику работы и не станет закатывать скандалов из-за твоих постоянных разъездов.

– Ты не знаешь Женьку! Она и так не стала бы скандалить, это не в её характере, – ответил он матери.

– Зато я знаю жизнь! – резонно заметила мамаша. – Но девчонка и в самом деле хороша, с этим не поспоришь.

Так сын получил матушкино благословение, и Женька была почти что принята в новую семью.

Идея устроить совместный отдых на море принадлежала Игорю.

– Ты никогда не бывала в Крыму? Никогда? – удивлённо спрашивал он. – Тогда ты точно должна поехать со мной! Ифигения в Тавриде! Круто! Ознаменуем годовщину наших отношений! Мы вместе поднимемся на гору Митридат, оставив твои божественные следы на каждой ступени! Съездим в Бахчисарай! А Ласточкино гнездо! Боже! В благословенной Тавриде столько всего интересного! Тебе непременно надо там побывать!

Женька с улыбкой смотрела на своего жениха. Перспектива отдохнуть вдвоём на море ей очень понравилась, но ведь у него съёмки, а это значит, что она будет в одиночестве валяться на пляже или сидеть в номере.

– У меня всего четыре съёмочных дня! – убедительно восклицал он. – Ты пока осмотришься, позагораешь, а потом я освобожусь, и мы будем путешествовать по всему Крыму! А если хочешь, можешь приехать чуть позже. Соглашайся, котёнок!

А почему бы и нет? Женька как раз заканчивала работу на очередном сериале, и новых предложений пока не поступало, так что она вполне могла позволить себе небольшой отдых. Тут же зайдя в интернет, она занялась поиском подходящего пансионата и вскоре нашла то, что хотела, и совсем недалеко от Керчи. Это было частное заведение на берегу моря, с бассейном во внутреннем дворике и плетёной мебелью на просторных балконах. Заказать и оплатить номер не составило никакого труда. Да здравствуют современные технологии! И вот уже в предвкушении отпуска Женька готовит летние наряды, а Игорь составляет экскурсионную программу.

Однако перед самым отъездом их планы слегка нарушились. Будь он неладен, этот пресловутый форс-мажор! Три дополнительных съёмочных дня задержали Женьку в Москве, и Игорю пришлось уехать одному.

– Да не горюй ты так, Ифигения моя! – утешал он подругу. – Приедешь на три дня позже, ничего страшного. Я всё равно пока буду там занят целыми днями.

Она согласно кивала головой, хоть ей и не очень нравилось, что весь этот сложный путь до Керчи на поезде, автобусе и пароме предстоит одолевать одной.

– Слушай, котёнок, может, ты договоришься с пансионатом, чтобы меня туда поселили? – спросил вдруг Игорь. – Не хочется мне зависать в дешёвой гостинице вместе со всей группой, когда у тебя уже приличный номер оплачен. Чего ему зря простаивать? Я там осмотрюсь пока, закажу экскурсии, а потом тебя встречу. Ты, главное, звони с дороги.

Конечно, он прав, так будет разумнее, и божественная Ифигения тут же решила вопрос проживания Игоря в номере, оформленном на неё.

На том они и расстались. Жених слал невесте короткие смс-ки, которые согревали ей сердце. На счастье, Женька задержалась в Москве всего на пару дней и тут же выехала следом за Игорем. Она решила сделать ему сюрприз и не стала заранее сообщать о своём приезде. Дорога оказалась не такой уж утомительной, зря она волновалась – всё складывалось вполне благополучно. В Анапе у поезда всех прибывших встретили волонтеры и направили к автобусам, идущим к паромной переправе. И вот Женька уже плывёт через Керченский пролив, любуясь морем и предвкушая невероятный восторг от встречи с любимым. За паромом огромной белой стаей летят чайки, кружат в каком-то феерическом танце, то опускаясь, то взмывая ввысь, и душа Женькина парит вместе с ними. Пассажиры бросают птицам крошки, а те ловят их на лету. От этой удивительной картины невозможно оторвать глаз. Щёлкают фотоаппараты, раздаются восторженные возгласы.

Угрюмый таксист, за всю дорогу не проронивший ни слова, притормозил у самого входа в пансионат. Девушка за стойкой администратора долго разглядывала Женькин паспорт и как-то странно посмотрела на неё, словно хотела что-то сказать.

– Да, я не очень удачно вышла на фото, – улыбнулась Женька, – но это точно я! Всё равно скоро свадьба, возьму фамилию мужа и поменяю этот паспорт.

Администратор улыбнулась в ответ и подала ей ключ от номера.

– Вам на второй этаж, – учтиво сказала она. – Лестница справа.

Открыв дверь номера, Женька почувствовала, что там кто-то есть, и громко крикнула:

– Игорь! Я приехала!

– Что, милый? Ты что-то сказал? – раздался вдруг женский голос, сбоку отворилась дверь, и послышался шум льющейся воды. Оттуда появилась обнажённая девица.

– Ой! – громко воскликнула та и поспешила спрятаться за дверь.

– Что случилось, котёнок? – раздался из комнаты голос Игоря, и тут же перед Женькой возник его обнажённый торс. Босые ноги слегка подогнулись, повязанное на бёдра полотенце поехало вниз. Хватаясь за него рукой, он проговорил, заикаясь:

– ...Тты? ...Ккак? ...Рразве?

Женька молча развернулась и вышла из номера. Слезы душили, но она сдерживала себя из последних сил. Девушка-администратор опустила глаза, сделав вид, что занята своими делами. Тот же таксист по-прежнему сидел в машине в ожидании клиентов. Женька бросилась к нему. Закрывая дверцу автомобиля, она боковым зрением заметила выскочившего Игоря, который уже успел натянуть на себя шорты и майку.

– Жень, постой! – крикнул он, взмахнув рукой.

– В Керчь, – сказала она водителю, и такси мягко зашуршало шинами по гравийной дорожке.

Глава 2

Светка

- Что? Сразу обратно? Даже в море не окунулась? – воскликнула изумлённая Светка.
- А что мне оставалось? Поселиться там третьей? – спокойно возразила подруге Женька.
- Вот гад! Я знала, что ничего хорошего у тебя с этим Казановой не выйдет.

Женька в ответ лишь махнула рукой. Светке Игорь сразу не понравился, с первого дня их знакомства.

- Извини меня, подруга, но это не вариант, – заявила она тогда Женьке.
- Почему? – удивилась вновь наречённая Ифигения.

Можно подумать, её Стасик – вариант. Сидит у жены на шее, работу найти не может. А Светка крутится как белка в колесе, тянет на себе и мужа, и пятилетних сыновей-близнецов. Так ещё сама же его и защищает, он у неё, видите ли, хороший семьянин, детей любит, а это для женщины главное.

– Да потому что ты у нас девица серьёзная, на классической литературе воспитанная, – довольно жёстко проговорила Светка. – Тебе надо влюбиться один раз и на всю жизнь. Так?

– Так! – согласилась Женька. – Вот я и влюбилась на всю жизнь.

– С такими, как он, на всю жизнь не бывает! – констатировала подруга. – Твой Игорь – объект многоразового использования! Типичный представитель отряда спермоносцев! И ничего, кроме боли, он тебе не даст!

– Он уже дал мне многое! – пыталась возражать Женька. – Он открыл мне целый мир! Ты просто не знаешь Игоря!

– Какой мир? Мир пропитанной сладким потом постели? Просто он твой первый мужик, вот ты его и боготворишь. А будь у тебя хотя бы небольшой опыт, ты бы знала, что все они по сути одинаковые. Смазливая мордашка и галантное ухаживание – это ещё не всё, что надо нам для жизни.

– А что нам надо?

– Нам надо, чтобы был надёжный, вот как та самая пресловутая каменная стена, и чтоб семейные ценности были у него на должном уровне.

– А у Игоря всё на уровне, и я с ним как за каменной стеной! – настойчиво защищала своего возлюбленного Женька.

Теперь вот оказалось, что подруга была права. Как ни горько такое осознавать, но это факт.

Светка села рядом с Женькой на диванчик, наклонила её голову на своё плечо и тихо сказала:

– А ты поплачь, со слезами и боль выльется.

– Не плачется, – вздохнула Женька, податливо прижавшись к родному плечу.

– Вот такая ты у нас и есть: с виду просто девочка-ромашка, хрупкий цветочек, а внутри – кремень, – глядя несчастную по голове, мягко проговорила сердобольная подруга.

Они сидели в уютной Светкиной кухне на окраине Москвы. Светка была Женькиной подругой, проверенной годами, самой близкой и надёжной. Такой близкой, что ближе не бывает. Они вместе учились в школе, вместе поступали в колледж. Вернее, Женька пошла туда следом за подругой. На самом деле она собиралась поступать в художественное училище, потому что с детства любила рисовать, лепить, клеить и вообще всё, что связано с рукоприкладством в хорошем смысле этого слова. Светка решила пойти на специальность «Светорежиссура», смеясь, что выбрала профессию исключительно по созвучию со своим именем, а Женька поступила на художественно-гримёрное отделение, чтобы быть как можно ближе к подруге.

Всё равно ведь художественная специальность, так какая разница, в каком колледже учиться? Зато тут они были вместе, как всегда. Правда, Светка диплом так и не получила, выскочив замуж по залёту уже на втором курсе. Но она была не из тех, кто, родив детей, готов полностью раствориться в семейных хлопотах. Сыновья Сенька и Венька, пестуемые бабушками и дедушками, не помешали ей окончить режиссёрские курсы, и сейчас она успешно совмещает семейные хлопоты с работой второго режиссёра. Она-то и привела Женьку в мир кино, позвав её однажды на проект, где работала сама. Женьке в ту пору служба в театре уже слегка приелась, к тому же она заочно училась в институте, и желание расширить границы своей деятельности у неё давно созрело. Так что предложение подруги оказалось очень кстати.

– Что ты теперь думаешь делать? – участливо спросила Светка. Её золотисто-карие глаза пытливо смотрели на подругу. Привычно поправив непослушный тёмный локон, она добавила:

– Я бы посоветовала тебе нырнуть в новый роман. Сама знаешь – клин клином вышибают!

– Едва ли у меня это получится, – усмехнулась Женька.

– А вот это ты зря! Нельзя так раскисать из-за каждого кобеля!

– Я не из-за каждого, я только из-за одного.

– Вот именно! Тебе сколько лет? Двадцать шесть! Пора семью иметь, детей. Время-то уходит!

– Ну, не всем же везёт, как тебе! – усмехнулась Женька.

– А ты засунь свою иронию, знаешь куда? Я-то при муже и детях, а ты по-прежнему одна.

– Знаю!

– Вот и хорошо, что знаешь! Перелистывай страницу и начинай с чистого листа!

Женька промолчала в ответ.

– И где теперь наш Казанова? – не унималась Светка. – Вернулся в Москву или остался отдышаться?

Женька пожала плечами.

– Он не докучает тебе своими звонками?

– Не докучает. Поначалу звонил, но я отключила телефон, а как добралась до дома, сразу симку поменяла. Так что я ничего о нём не знаю.

– А где ты сейчас живёшь? По-прежнему в его квартире?

– Забрала свои вещи и вернулась к маме.

– А что говорит мама? – продолжала допрос подруга.

– Мама деликатничает, старается не задавать лишних вопросов. А сегодня сказала, что освобождается бабушкина квартира. Мы её сдавали, а жильцы недавно ипотеку взяли, в свою квартиру переезжают. В общем, если я пожелаю, то могу там поселиться.

– А ты пожелаешь?

– Не знаю, – пожала плечами Женька.

– Она не знает! Квартира чуть ли не в самом центре столицы! Любой за счастье посчитал бы, а она не знает! Я вообще удивляюсь, почему тётя Саша до сих пор сама не переехала туда?

– Потому что мама любит свою квартиру на Ясеновой, там ей всё напоминает о папе, да и доход был неплохой с квартирантов. Правда, Игорь намекал мне, что нам стоит поселиться там после свадьбы, и мама уже готова была отказать жильцам.

– А у твоего Казановы губа не дура! – возмущённо воскликнула Светка. – Уже и планы на квартиру строил. Едва ли он так просто отпустит тебя. Ты ж невеста с шикарным приданым!

– Да ладно тебе! Он и не бывал в той квартире ни разу, просто знает, что она где-то на проспекте Мира. Очень удивился, когда я о ней рассказала. Всё выпрашивал, откуда у меня такое наследство и почему я там не живу.

– И, правда, почему?

– Не могу. После смерти бабы Маши мне там было как-то неудобно, – Женька даже поёжилась, говоря это.

– Забудь! Постарайся побороть себя! Новую жизнь надо начинать на новом месте!

Их разговор был прерван появлением Стаса.

– Парни заснули, – сообщил он. – Может, чаю попьём?

– Попьём! – откликнулась Светка и принялась хлопотать.

– Я, наверное, домой пойду, – поднялась Женька.

– Куда ты пойдёшь? Поздно уже. Сейчас чаю попьём, и я тебя отвезу! – скомандовала подруга.

– Кстати, насчёт «отвезу», – вклинился в разговор Стас. – У меня завтра собеседование, подкинь меня до офиса.

– И где этот офис? – повернулась от плиты Светка.

– Где-то в районе Марьиной Рощи.

– Так туда проще на метро!

– Во-первых, на метро с пересадками, а во-вторых, подъехать к офису на авто с личным водителем – это всё-таки более впечатляет работодателей, – то ли в шутку, то ли всерьёз возразил ей муж.

– Опять твои понты корявые! – отмахнулась Светка. – Пора бы уже и самому права получить.

– Некогда мне на курсы ходить, – важным тоном проговорил он.

– Ахха! – усмехнулась жена, но развивать тему не стала.

Женька с невольной улыбкой посмотрела на Стаса. И это та каменная стена, за которой прячется её подруга? Скорее, наоборот, это муж за ней как за каменной стеной. За последний год он поменял три места работы, потому что, как он говорит, нигде не был оценён по достоинству. Зарплата, назначенная непревзойдённому гению менеджмента на испытательный срок, конечно же, была для него унижительной, а требования работодателей к нему чересчур завышенными. А потому он нигде не задерживался до окончания этого самого испытательного срока.

– Зато он заточен на семью! – обычно защищала мужа Светка. – Ему неинтересны адюльтеры, он любящий муж и отец, а это и есть самое главное в семейной жизни!

Хорошая отговорка для паразита. Да-да! Он элементарно паразитирует на своей жене! Присосался и пьёт её кровушку. Ему, видите ли, неинтересны адюльтеры! Конечно, неинтересны! Ведь даже для этого надо слегка напрячься, а он привык жить в состоянии лёгкой расслабленности. Неужели Светка так его любит, что не замечает этого? Или замечает, но делает вид, что всё в порядке? Скорее всего, так и есть.

– О чём задумалась, подруга? – раздался Светкин голос. – Чай остывает!

– Опять ты мне до самых краёв налила! – возмущённо прошипел Стас. – Сколько можно говорить тебе?! Теперь места для сахара не осталось.

Светка молча взяла чашку и, отлив немного чая в раковину, поставила её перед мужем.

– Спасибо! – всё так же раздражённо проговорил он и взялся за чайную ложку.

От неловкости Женька опустила глаза.

Неожиданно у неё запел телефон. Звонила мама, которая уже начала волноваться, что дочери так долго нет.

– Женечка, тут к тебе Игорь приходил, – явно преодолевая неловкость, проговорила она. Женька молчала, не зная, что сказать.

– Он твою заколку для волос принёс, – добавила мать. – И новый номер твоего телефона просил. Но я сказала, что не знаю.

Женька даже представила, как мама краснеет при этих словах, она не любила неправды.

– Прости меня, пожалуйста, что тебе пришлось лгать из-за меня, – виновато проговорила Женька. – Завтра я переберусь в бабушкину квартиру, и он больше не станет докучать тебе.

– Вернулся, значит, наш Казанова, – заключила Светка. – Тогда тем более без сопровождения я тебя не отпущу!

Подъезжая к подъезду, подруги увидели в свете фар сидящего на скамейке Игоря.

– Что делать будем? – спросила Светка. – Хочешь, я провожу тебя до квартиры?

– Давай немного в машине посидим, может, он уйдёт. Он ведь нас не видит?

– Не видит, конечно.

Но уходить Игорь не собирался. Вероятно, он решил во что бы то ни стало дожидаться Женьку. За это время трижды позвонил Стасик, требуя, чтобы жена немедленно возвращалась домой. И чем этот домашний тиран лучше Игоря?

– Он просто волнуется, – оправдывала мужа Светка, – беспокоится за мою безопасность.

– Надо было взять его с собой, – проговорила Женька.

– Он бы не поехал, я его знаю.

– Ладно, Светик, пойду я, тебе надо возвращаться домой. Похоже, Игорь решил тут заночевать, и разговора с ним мне всё равно не избежать.

– Ты уверена? – бросила подруга вслед выходящей из машины Женьке, но та уже хлопнула дверцей и решительно направилась к подъезду.

Игорь тут же вскочил:

– Женечка, котёнок, нам надо поговорить!

– Ну что ж, надо так надо! – спокойно ответила ему Женька. – Только я смотрю, поголовье твоих котят увеличивается. Где ты оставил своего нового котёнка?

– Жень, ты всё не так поняла! Я... мы...

– Репетировали, правда? – подсказала она не без сарказма.

Игорь смутился.

– Нет, я не это хотел сказать. Я, конечно, виноват. Но всё это ничего не значит! Я же только тебя люблю! Нам же было так здорово вместе! У нас скоро свадьба! Всё будет хорошо! Я клянусь, такого больше не повторится! Никогда!

– Ты хочешь сказать, что станешь хитрее и изощрённее и больше так глупо не проколешься?

– Ну, зачем же ты так?! Я раскаиваюсь! Я молю тебя о прощении!

– Я тоже раскаиваюсь! – ответила Женька, и тут же в его глазах мелькнула надежда. – Я раскаиваюсь, что доверилась не тому человеку, – добавила она. – Мне очень жаль, но предательства я не прощаю. Извини.

И она шагнула к двери подъезда. Игорь попытался взять её за руку, но Женька руку выдернула и решительно набрала код на домофоне. Когда за ней захлопнулась дверь, Светка завела двигатель. Она не уезжала, пока подруга не закончила свой разговор. А вдруг помощь понадобится?

Женька прислонилась к закрывшейся двери, мучительно прокручивая в голове весь свой разговор с Игорем. Господи! Ну почему он не нашёл таких слов, чтобы Женька поверила?! Она готова была его простить, только бы всё как-то разумно объяснилось. Пусть бы предательства не было, просто девушка из соседнего номера попросилась принять душ, потому что у неё он не работает. Или это не Игорева девица, а какого-нибудь актёра из их группы. И он тоже был тут, только не успел выйти из комнаты. Или... Да мало ли какие ещё могут быть объяснения. Но их нет. Есть обнажённая девица, есть его воркующий голосок и полотенце, сползающее с голых бёдер.

Её предали. Низко. Подло. Коварно.

И банально до тошноты.

Глава 3

Семейный рок

Наутро Женька осматривала своё новое жилище. Как же давно она тут не была! Сейчас бабушкина квартира предстала перед ней совершенно по-новому. Одна из комнат была пуста, если не считать старой пальмы в огромной кадке. Надо же, она ещё жива! Растопырила свои огромные многопалые лапы и греется в лучах утреннего солнца, заливающего комнату через свободные от занавесей окна эркера. Высокие потолки, обрамлённые замысловатой лепниной, как будто увеличивают пространство. А старый паркет, местами слегка поскрипывающий при ходьбе, невольно напоминает, что всё тут дышит историей. Вторая комната с некоторых пор (а если точнее, с тех пор, как умерла бабушка Маша, около двух лет назад) стала своеобразным хранилищем старых вещей. Вещи эти когда-то принадлежали Женькиной бабушке и даже прабабушке. Часть их лежала в двух старых дерматиновых чемоданах с металлическими уголками, часть – в выдавшем виды сундуке. Вдоль стен стояла старинная мебель: буфет, покрытый чёрным лаком, стол с резными ножками, кровать с металлическим изголовьем, на котором бодро топорщились затейливые шишечки. Тут же притулился старинный комод. Когда-то Женька с матерью сложили все бабушкины вещи в эту комнату, чтобы вторую сдать внаём. И сейчас ей предстоит разобраться со всем этим скарбом.

Женька прошла на кухню. Там главенствовал большой старый стол, накрытый потёртой клеёнкой, возле него – пара массивных деревянных табуретов, у стены – старая газовая плита. Чугунная раковина с отбитой местами эмалью наполовину покрыта ржавчиной. Из крана капает вода. Новоявленная хозяйка попыталась закрыть кран, но капли продолжали размеренно стучать. Придётся менять смеситель. Да и мебели этой давно пора на свалку. Женька прикинула, как будет тут смотреться новый кухонный гарнитур. А что? Вот заработает она денег и купит приличную мебель. Только что ей делать с тем барахлом, которым забита спальня? Женька вернулась туда. Осмотрелась. Сейчас она займётся уборкой в свободной комнате, а после работы обещала приехать мама, и вместе они решат, как поступить с этой рухлядью. Что-то однозначно придётся выкинуть, а что-то может ещё послужить. Хотя бы вот это старинное зеркало. Амальгама, конечно, уже попорчена местами, зато какая шикарная рама! Или комод. Чем не красавец? Если у него поменять ручки и приделать к ящикам выдвижные механизмы, то он будет очень даже хорош.

Женька выдвинула один из маленьких верхних ящичков комода и обнаружила в нём потёртую дерматиновую папку на завязках. Она не удержалась от соблазна заглянуть внутрь. Толстая потрёпанная тетрадь, исписанная размашистым почерком, пожелтевшие листочки со стихами и рисунками да несколько давних фото, качество которых оставляло желать лучшего. Снимки явно очень старые. Скорее всего, это примерно середина двадцатого века, а то и раньше. На обратной стороне некоторых из них стоят даты. Женька взяла наиболее чёткий снимок. На нём была запечатлена молодая женщина с ребёнком. Видно, что к съёмке та тщательно готовилась. Её волосы аккуратно поделены на пробор и уложены в два ровных валика, из-под которых струятся крупные локоны до плеч. Тёмное платье в белый горошек – вероятно, крепдешинное – украшено изящным белым воротничком. На коленях женщина держит маленькую девочку примерно годовалого возраста. На малышке светлое пышное платьице, из-под которого видны толстенькие ножки в забавных вязаных башмачках. Женька повертела фото в руках и обнаружила на обратной стороне витиеватую надпись, сделанную фиолетовыми чернилами: «1947 год». Скорее всего, это и есть прабабушка Женя, Евгения Петровна, а малышка – её дочь, то есть, бабушка Маша.

Женька отложила фото в сторонку и взяла первый попавшийся листок. Тем же размашистым почерком на нём было написано:

У изголовья прошлых лет
Сижу я, голову склоня,
Увы, тебя со мною нет,
Как нет уже и той меня.

Неожиданно раздался мамин голос:

– Чем ты тут занимаешься? Я ушла с работы пораньше, чтоб тебе помочь, а ты, я смотрю, не спешишь с уборкой.

– Да вот, выдвинула ящик, а тут так много интересного, что я не могу оторваться. Чьи это стихи, ты не знаешь? – Женька протянула матери листок.

– Догадываюсь. Скорее всего, это бабушки Жени. Твоей прабабки. Она у нас была очень занятой личностью.

– А на этом фото она? – Женька протянула матери снимок женщины с маленькой девочкой.

– Она. И мама моя. У меня где-то есть похожая фотография, на ней мама держит на коленях меня, вот такую же малявку. А ты, часом, не беременна?

– Мам, что за странный переход от семейных фотографий к беременности? – удивилась Женька.

– Понимаешь, у нас над семьёй довлеет какой-то злой рок. Во-первых, всегда рождаются только девочки, а во-вторых, все они растут без отцов.

– Если ты боишься, что, расставшись с Игорем, я стану матерью-одиночкой, то отвечаю тебе – нет! Я не беременна!

– Ну и ладно! Всё ещё впереди.

– Неужели ты на полном серьёзе веришь в какой-то рок? – удивилась Женька.

– Не верила прежде. Твоя бабушка говорила мне об этом, а я только смеялась, ведь вышла же я замуж за твоего отца, и жили мы очень счастливо. А потом... В общем, когда его не стало, я почти поверила. И теперь боюсь, как бы и тебе та же участь не выпала. Непросто это – растить ребёнка без отца.

Женька подошла к матери и обняла её. Так, обнявшись, они постояли немного.

– Давай-ка за работу приниматься! – скомандовала мать. – Я пойду на кухню, а ты комнатой займись. Обрежь сухие листья с пальмы, а оставшиеся протри влажной тряпкой, потом окно помой. А между дел подумай, нужна ли тебе эта полуживая экзотика. Может, отдать её кому-нибудь?

– Нет! – твёрдо сказала Женька. – Чем она плоха? Пусть стоит. Сейчас я её реанимирую, будет память о бабушке.

– Как знаешь, – пожала плечами мать и принялась за работу.

Александра Сергеевна Туманова, при всей её мягкости и сдержанности, была человеком целеустремлённым и всегда старалась довести всё до логического конца. Ни одно начатое дело она не бросала на полпути. Работая в школьной библиотеке, ещё вела часы рисования в начальных классах. Художественный дар Женька получила от неё, как, впрочем, и внешность. В свои сорок восемь лет мама выглядела довольно молодо: правильной формы лицо, мягко очерченные губы, проникновенный взгляд глубоких голубых глаз. Довершали образ гладко зачёсанные волосы, обычно собранные в узел на затылке. А ещё безупречная для её возраста фигура и лёгкая походка. С Женькой они были примерно одного роста, обе высокие и стройные. Когда шли рядом, то нередко ловили на себе заинтересованные взгляды прохожих. Для Женьки Александра Сергеевна была не только мамой, но и добрым другом. Она никогда

не ругала дочь за проступки, но обязательно обсуждала с ней все проблемы, мягко и доходчиво давая понять, в чём та была не права. И этого было достаточно. Вот и сейчас, в ситуации с Игорем, она держала нейтралитет, не лезла в душу, но, конечно же, глубоко переживала за свою девочку.

Вскоре квартира сияла чистотой, а на плите пыхтел чайник.

– Посуды тут достаточно, но если что-то нужно, можно прикупить, – размышляла вслух Александра Сергеевна, отпивая чай из старой фарфоровой чашки. – Мебель, конечно, надо менять. На этом чудевище ещё я в детстве сидела, – и она кивнула на громоздкий табурет, покрытый выгоревшей от времени голубой краской.

– А мне он нравится! – улыбнулась Женька и поднялась с табурета. – Если его ошкурить и покрыть свежей эмалью, то он будет вполне ничего. Смотри, какая добротная вещь. А если сделать декупаж... – Женька замолчала, с интересом разглядывая табурет, словно уже видела его обновлённым.

– Да делай ты, что хочешь, – махнула рукой мать, – тут большое поле для деятельности.

– И непаханое! – рассмеялась Женька. – Я хочу отреставрировать старую бабушкину мебель. Вот поселюсь тут и стану потихоньку разбирать залежи в спальне. Наверняка там найдётся много интересного.

– Ты только записи своей прабабки не выбрасывай, мне очень хочется их почитать.

– Конечно! Это же реликвия! Семейная! А потому бесценная! – воскликнула Женька и вдруг тихим голосом спросила:

– А почему всегда так получалось, что дети в нашей семье росли без отцов? Папа умер, это понятно. А твой отец? А бабушкин? Я как-то никогда не задумывалась, почему у меня нет деда. Мне достаточно было бабы Маши. А ты его знала?

– Нет, – покачала головой Александра Сергеевна, – мама мне о нём никогда не рассказывала. А если я приставала к ней с расспросами, то она сердилась и ворчала на меня. Тогда я решила, что я детдомовская, и заявила ей об этом. Она расплакалась, обняла меня и печально вздохнула. Потом отстранилась, посмотрела мне в глаза и сказала, что не стоит говорить глупостей, особенно, если знаешь, как они могут ранить. Мне стало стыдно. С той поры я больше не возвращалась к этой теме. А когда мы поженились с твоим папой, был один интересный момент. Мы вышли из загса и остановились на высоком крыльце. А внизу стоял фотограф, который нас снимал. Я повернулась к маме, лицо её в этот миг застыло. Я невольно проследила за маминым взглядом и заметила удаляющуюся мужскую фигуру в сером костюме. Тогда у меня не было возможности задать ей вопрос, все тут же двинулись, зашумели, Виктор потянул меня к машине. А потом я уже не решилась. Боялась снова сделать больно.

Александра Сергеевна помолчала немного и добавила:

– А когда мама лежала больная, уже перед самой смертью, у меня часто появлялось такое ощущение, будто она хочет мне что-то сказать, но не может решиться. Может быть, об отце моём хотела поведать, но так и не нашла сил для этого.

Рассказ матери поверг Женьку в грустные размышления. Всю дорогу до дома она прокручивала эту историю в голове. Представляла маленькую маму, молодую бабушку Машу и загадочного мужчину в сером костюме, которого бабушка, наверное, любила всю жизнь, но стать одной семьёй им почему-то было не суждено. А если бы она, Женька, родила от Игоря ребёнка? Наверное, это тоже была бы девочка, как и повелось в их семье. Смогла бы она простить его ради дочери или тоже стала бы растить её одна? И всё-таки интересно, кем же был её дед? Может быть, он ещё жив, может быть, знает о ней, Женьке? Ведь пришёл же он на мамино бракосочетание, значит, не выпускал их семью из вида. Надо будет перебрать все старые бумажки в комод. А вдруг она найдёт в них ответы на свои вопросы?

За ужином Женька вновь завела разговор о прошлом своей семьи. Если с бабушкой Машей всё стало более-менее понятно, то история прабабки пока что была для неё покрыта

завесой тайны. Мама ничего конкретного сказать не могла. Она лишь знала, что Евгения Петровна родилась здесь, в Москве, ещё до революции. Потом уехала строить Магнитку. Там и войну пережила. Работала на заводе, тогда все трудились на победу, снаряды делали для фронта. Несладко ей пришлось. Но она не очень любила об этом говорить. Именно там, в Магнитогорске, она и родила дочь. И уже после войны вернулась в Москву с младенцем на руках.

– А ты что-то знаешь про моего прадеда, отца бабы Маши? – заинтересовалась Женька.

Но мама знала о нём не так уж много. Вроде, работал на том заводе какой-то эвакуированный, от которого и родила свою дочку Евгения Петровна. А почему он не женился на ней и куда потом подевался, она не могла сказать. Да, сильные были женщины в их семье. И тайны свои они умели хранить. Женька пожалела, что не прихватила с собой ту старую папочку из комода.

Неожиданно зазвонил телефон. Это была Светка.

– Собирайся, подруга, завтра вечером выезжаем в Минск! – решительно заявила она.

– Какой Минск? Чего ты удумала? – удивлённо спросила Женька.

– А разве я тебе вчера не сказала, что у меня новый проект? Очередной сериал, полтора месяца съёмки. Мы уже запустились, команда набрана. В основном, из местных. Гримёр там, похоже, тоже есть, но я договорилась, тебя берут хлопушкой!

– Какая хлопушка? Ты чего? Я никогда не работала хлопушкой!

– Да чего ты тупишь? Всей-то работы записать на белой доске чёрным маркером номер ролика, номер объектива, номер кадра и номер сцены. С этим любой школьник справится! Ну, ещё монтажные листы заполнить. Поехали, Женька! Это лучше, чем сидеть в Москве и лить слёзы по своему Казанове!

– Это так неожиданно, – растерянно проговорила Женька. – Я завтра переезжать собиралась.

– Ничего страшного! Переедешь, когда вернёшься! Если вернёшься, конечно! А вдруг ты встретишь там свою судьбу и останешься в Минске? – рассмеялась Светка. – Соглашайся, подруга! Это лучший шанс прийти в себя!

– Подумать-то я могу? С мамой посоветоваться надо.

– Советуйся! Только недолго. Через полчаса я жду твой ответ!

Глава 4

Синема

Подумав немного, Женька приняла решение. Подруга права – только работа может отвлечь её от хандры. Поэтому следующий день ушёл на сборы, а вечером она уже ехала на Белорусский вокзал, чтобы отправиться навстречу новой жизни.

– Утром мы будем в Минске, – сказала Светка. – Ты не бывала там прежде?

– Нет, не довелось, – ответила Женька, устраиваясь на мягкой полке двухместного купе.

– Тебе понравится. Город чистый, красивый. Там сразу отключаешься от московской суеты. Представляешь – на улицах даже пробок нет! Зато есть МКАД! Прикинь – МКАД!

– Прикинула, – улыбнулась Женька.

– В первый же выходной поведу тебя на прогулку по городу. Пройдёмся по проспекту Независимости, по набережной Свислочи погуляем, обязательно зайдём в ЦУМ, можно в «Крышталъ». Купим себе какое-нибудь хрустальное чудо на память или наряды из белорусского льна. Стасу в подарок привезу вышиванку, это рубаха такая с вышивкой.

Женька представила Стаса в вышитой косоворотке и усмехнулась:

– А станет ли он её носить?

– Заставим! – весело ответила Светка.

Эх, Женьке бы хоть немного её оптимизма!

«Минск-минск-минск» – слаженно выстукивали колёса. Какое странное слово. Звучит, как осечка. Даже если попытаться проговорить его нараспев, всё равно певучее «миии» в конце концов оборвётся резким щелчком – «ск». Тем самым щелчком, который Женька только что получила от жизни. Ну что тут станешь делать? Как ни старалась она заглушить свою боль, та не утихала, продолжая донимать навязчивыми воспоминаниями.

В соседнем купе монотонно бубнили мужские голоса. Там ехали режиссёр Максим Сергеевич и оператор Слава. Когда на вокзале Светка представила им свою подругу, оба с интересом поглядели на Женьку. И не просто поглядели, а принялись откровенно разглядывать её. На их лицах читалось явное удовольствие и надежда на более тесное знакомство.

– С Максимом будь осторожнее! – предупредила Светка. – Тот ещё ходок, хоть и глубоко женат. К тому же у нас главную героиню играет Синицина, а она его любовница с большим стажем и крепко держит жертву в своём клювике. Так что, от греха подальше! А на Славу обрати особое внимание, он недавно развёлся и абсолютно свободен! Правда, у него двое пацанов растут. Но для непродолжительного адюльтера он вполне сгодится.

– Знаешь, подруга, не до этого мне сейчас! – отмахнулась Женька.

– Именно сейчас тебе должно быть до этого! Не упускай свой шанс! Отвлекись! Развлекись!

– Я вообще-то работать поехала, – попыталась возразить Женька.

– Одно другому не мешает! Ты прекрасно знаешь, что любая экспедиция у нас всегда чревата романами. А что ещё делать творческим людям в замкнутом пространстве съёмочной площадки?!

– И ты тоже позволяешь себе романы? – с интересом спросила Женька. Она никак не могла представить подругу в роли жены-изменницы.

– Я нет! Мне некогда влюбляться, выспаться не успеваю, какие уж там романы! Знаешь, сколько у меня работы?! И с планированием, и на площадке. А если кто-то где-то что-то прощляпит, виновата всё равно буду я! И все второго вечно костерят, и в хвост и в гриву! В общем, не до «глупостей» мне!

Женька улыбнулась. Для деятельной Светкиной натуры, пожалуй, это самая подходящая работа.

Минск приветствовал их ярким солнцем, лёгким ветерком и свежей зеленью газонов.

– Жить будешь со мной! – распорядилась Светка. – Нечего мотаться по гостиницам, для меня уже квартира снята. Да и, вообще, вдвоём веселее. Хоть наговоримся вдоволь, а то мы с тобой теперь почти не видимся.

Водитель встретил их у самого вагона и доставил по нужному адресу. Максим Сергеевич и Слава поселились в соседнем доме.

Квартира, приготовленная для второго режиссёра, то бишь, для Светки, оказалась вполне приличной. Две комнаты, просторная кухня и балкон с видом на уютный старый дворик. Под балконом разбита клумба, сплошь покрытая цветами разных видов и оттенков. Ими было приятно любоваться сверху, что Женька сразу отметила для себя.

– Здесь мы будем кофе пить по утрам и встречать восход солнца! – заявила Светка, развалившись в шезлонге, тяжело вздохнула и добавила:

– Если проснёмся на рассвете, что маловероятно.

И подружки рассмеялись. Так началась их новая жизнь.

Перед началом съёмок традиционно разбили расписанную чёрным маркером тарелку и мигом разобрали её осколки. Женьке достался кусок, на котором было написано: «опер», часть от слова «оператор».

– Перст судьбы! – заявила Светка, разглядывая этот осколок. – Теперь Слава точно твой!

Женька только усмехнулась в ответ, оператор и в самом деле проявлял к ней интерес, и это немного раздражало.

Первый рабочий день прошёл без особых событий. Жизнь закружилась, завертелась и понеслась от одного съёмочного дня к другому, затягивая Женьку в водоворот сиюминутных дел и проблем. Работа и в самом деле не представляла для неё особых сложностей, а ежедневное общение с подругой отвлекало от сердечных страданий. Правда, общение это было весьма своеобразным. Каждый вечер, поговорив по телефону со своей семьёй, Светка усаживалась по-турецки на широкий диван и сидела так допоздна, обложившись бумагами и уткнувшись в ноутбук.

– Чёрт! Опять этот дождь, а у нас ещё две смены на натуре осталось! Придётся на интерьеры переключаться, – ворчала она, обращаясь не столько к Женьке, сколько в пространство комнаты.

У неё был ежедневный аврал: то перекраивался сценарий, и надо было вносить изменения в план съёмок, то заболел какой-нибудь актёр, и это тоже влекло за собой массу проблем, и требовалось срочно переписать вызывной лист. То она жаловалась, что «из-за этой амбициозной бездарности Свистуновой полдня сегодня убито на бесконечные дубли одной-единственной сцены, и график съёмок опять смещается». Женька согласно кивала, ведь это ей пришлось старательно отстукивать своей хлопушкой каждый дубль с капризной актрисой. Невольно она оказывалась втянутой во все тонкости и детали жизни съёмочной группы, сокрушалась и радовалась вместе с подругой, порой и в самом деле забывая о своей беде.

– Буткевич, твою мать! – кричала Светка в трубку, обращаясь к художнику. – Ты меня режешь без ножа! У вас там интерьер не закончен! Хоть всю ночь пусть твои декораторы долбят, но чтоб к утру всё было готово!

Женька тут же представляла лицо Ильи Буткевича, которого отчитывала подруга. Она уже знала по именам всю съёмочную группу, а с некоторыми у неё даже завязались приятельские отношения. Особенно с художником по гриму Мариной. Поначалу та, узнав, что Женька по профессии тоже гримёр, восприняла её в штыки, подозревая, что девушка метит на её место, но, познакомившись поближе, стала более благосклонна к ней, а иногда даже советовалась по поводу некоторых тонкостей своего ремесла. На площадке Женька постоянно ловила на себе

взгляды режиссёра Максима Сергеевича, который старался не выпускать её из виду. Он даже поделился со Светкой, что этот совершенно удивительный, невероятно чистый облик девушки доставляет ему настоящее эстетическое наслаждение. Частые взгляды в сторону хлопушки не ускользнули от недремлющего ока его любовницы, кипевшей от негодования, и вскоре все поняли, что Женька невольно нажила себе врага. По вечерам Светка смеялась, изображая в лицах, как Синицина закатывает Максиму Сергеевичу воображаемые сцены ревности. Но подругу это вовсе не веселило.

Иногда к ним в гости заходил оператор Слава.

– Девчонки, чаем не напоите? – спрашивал он с порога и вынимал из-за пазухи шкалик.

– Женька напоит, мне некогда, – ворчала в ответ Светка и закрывалась в комнате, отправив подругу с гостем на кухню.

Капнув в чай коньяка, а затем старательно размешивая сахар в стакане, Слава заводил длинные разговоры про рыбалку. Женька сидела напротив и слушала его, подперев кулаком подбородок. Она понимала, что оператор пытается за ней ухаживать, но не знает, как это лучше сделать. Однажды он решился и пригласил её погулять. Пришлось сослаться на усталость и отказать, чему он явно огорчился.

Более всех в группе Женьку привлекали художники. Ей нравилось всё, что они делали. Это было ей близко, а потому и интересно. Однажды после окончания смены она немного задержалась, а, уходя с площадки, увидела Илью Буткевича. Он сидел перед мольбертом и был так увлечён работой, что не слышал, как Женька подошла.

– Красиво! – сказала она, и Илья, вздрогнув, обернулся. Его серые глаза, опущённые густыми ресницами, бегло скользнули по её лицу.

– Чего ж ты так подкрадываешься? – спросил он сурово и отвернулся.

– Извини, я не хотела, – попыталась оправдаться Женька. – Просто интересно стало, что ты тут рисуешь.

– Не рисую, а пишу, – буркнул он недовольно. – Маслом.

– Вижу, что не гуашью, – усмехнулась Женька. – А я не люблю маслом. Мне акварель ближе. Нежнее как-то что ли, душевнее.

– Ты тоже художник? – удивлённо посмотрел на неё Илья.

– Почти. Художник по гриму, – отчиталась Женька. – Но живопись я всегда любила.

У нас был такой замечательный преподаватель, что не влюбиться было просто невозможно.

– В живопись или в преподавателя? – улыбнулся Илья, и в его глазах вспыхнули озорные искорки.

– И в то, и в другое! – так же с улыбкой ответила Женька.

– А ты прикольная, – опять повернулся он к ней, – хоть с виду и выглядишь недотрогой.

– Разве? – удивилась она.

– А что, тебе никогда об этом не говорили?

– Вроде нет, не припомню.

– Значит, бояться в глаза сказать, все лишь издали любят да слюнки глотают.

А на самом деле наши мужики меж собой так тебя и прозвали – Недотрога.

Женька с удивлением посмотрела на него.

– В самом деле?

– Зуб даю!

Женька рассмеялась. Уж очень странный получался у них разговор.

– Это ты для съёмок делаешь? – спросила она.

– Да, завтра в кадре должна над диваном висеть какая-нибудь абстракция. Максиму Сергеевичу вдруг приспичило, а я вот отдуваюсь теперь.

– Ладно, не буду тебе мешать, – проговорила Женька, хотя уходить ей почему-то совсем не хотелось.

– А ты мне и не мешаешь – не поворачивая головы, проговорил художник. – Вот скажи, если бы это была твоя работа, ты бы захотела в ней что-то изменить?

Женька задумалась. Отошла немного, посмотрела на картину со стороны.

– Вот здесь я бы усилила контраст, – указала она на левую часть полотна, – тогда центр тяжести слегка сместится. Мне кажется, так будет интереснее.

Илья удивлённо взглянул на неё, потом отошёл, посмотрел на полотно с разных ракурсов и повернулся к Женьке.

– А давай попробуем! – азартно воскликнул он и взялся за палитру.

Вскоре они уже рассматривали то, что получилось.

– По-моему, неплохо, – оценивая проговорил Илья.

– Мне тоже нравится, – согласилась с ним Женька.

– Это дело надо отметить! – воскликнул он. – Совместное завершение шедевра! Беру тебя в соавторы!

Женька рассмеялась.

– Тут недалеко кофейня есть. Может, зайдём?

Она пожала плечами и неуверенно ответила:

– Наверное, поздно уже.

– Да ладно! Я провожу тебя потом!

И Женька согласно кивнула.

Кофейня и в самом деле оказалась очень милым местечком, но все столики там были заняты. Они протиснулись к барной стойке и уселись на высокие стулья.

– Что будем пить? – спросил Илья

– Предлагай, ты тут завсегдатай, – ответила Женька.

Он заказал мохито и, пока бармен готовил коктейли, повернулся, окидывая взглядом небольшой зал, а Женька в это время разглядывала его лицо. Оно было до невероятности правильным: черты лица неброские, но в то же время по-мужски красивые. И губы, и подбородок, и прямой нос – всё было каким-то породистым, что ли. Раньше Женька этого не замечала. А может, просто никогда так пристально его не разглядывала. Даже бакенбарды, которые она терпеть не могла, очень шли ему. Светло-русые волосы зачёсаны назад и на затылке собраны в хвост.

– А ты совсем не такая, как я себе представлял! – неожиданно повернувшись, сказал Илья.

– Ты тоже! – ответила застигнутая врасплох Женька, и оба они рассмеялись.

Глава 5

Узелок завяжется...

– Наконец-то явилась! – уперев руки в бока, сказала Светка, встречавшая подругу у двери. – Я уже потеряла тебя! Телефон почему-то недоступен. Переживаю, места себе не нахожу. Вдруг что-то случилось с тобой?!

– Телефон разрядился, извини! Я просто в кофейне задержалась. С Ильёй.

– Очень даже интересненько! – Светка тут же приняла охотничью стойку. – А вот с этого места поподробнее, пожалуйста!

– Да ничего особенного, угомонись! Просто посидели, поболтали. Лучше скажи мне, ты знала, что меня в группе называют недотрогой? – осторожно спросила Женька.

– Нууу, слышала пару раз от мужиков, а чего такого-то?

– Да какая же я недотрога?

– Самая настоящая! Почти все наши мужики на тебя облизываются, но подойти боятся. Уж очень ты неприступна!

– С чего вдруг? Вроде, я со всеми в нормальных отношениях, никого не отталкиваю.

– Чтобы оттолкнуть, надо сначала дать возможность приблизиться. А ты никого к себе не подпускаешь!

– Неужели ты так считаешь? – Женька в недоумении села на диван. – Нет, не может быть!

– Ну, хорошо, – Светка присела рядом с подругой, взяла её за руку, – вот, например, вчера мы ехали в трамвае. Рядом с тобой топтался какой-то мужичонка, помнишь?

– Не помню. Рядом были разные люди, мы с тобой стояли и держались за поручни.

– Вот-вот! Как раз, когда мы стояли, он к тебе и подвалил, но ты так на него глянула, что он, бедный, тут же отполз и боялся в твою сторону посмотреть. Ты сделала это не намеренно, а так, проходя, даже не заметив этого.

Женька удивлённо смотрела на Светку, всё ещё не веря всему, что та говорит.

– Именно так всё и было. Это твоя защитная реакция, типа инстинкта самосохранения. И с другими мужиками ты ведёшь себя точно так же. Нет, ты ни с кем не ссоришься, ты никого не отталкиваешь, но и не подпускаешь! И я диву даюсь, как это ты сегодня соизволила провести вечер с Илюшей!?

– Просто он интересный парень, и у нас нашлись общие темы для разговоров. Ты же знаешь, как я люблю рисовать, как мне интересны творческие люди.

– А то остальные вокруг тебя не творцы! – всплеснула руками Светка. – Целая съёмочная группа нетворческих людей! Спасибо тебе, Господи! Хоть до одного из них снизошла наша Снежная Королева!

– Зачем ты так, Свет?

– Ладно, не обращай внимания. Просто я за тебя переживаю, ты же знаешь.

– Знаю, – улыбнулась Женька, но слова подруги заставили её задуматься.

Назавтра Илья, лишь завидев её на площадке, помахал рукой. Женька тоже махнула ему в ответ. Вскоре он улучил момент и подошёл к ней.

– Привет! – парень мило улыбнулся.

– Привет!

– Ну как тебе наш шедевр в кадре?

– По-моему, отлично смотрится!

Тут раздался голос режиссёра:

– Евгения! Где ты ходишь?

– Извини, потом поболтаем, – смущённо улыбнувшись, сказала Женька и бросилась к Максиму Сергеевичу, на ходу поймав недобрый взгляд Сенициной.

После смены Илья дождался её.

– Может, погуляем немного? – спросил он. И вышло это как-то так ненавязчиво и просто, что приятно удивило Женьку.

– Поздно уже, – с сожалением ответила она, я и так вчера заставила подругу нервничать.

– Но ведь на завтра объявлен выходной.

Женька промолчала в ответ.

– А хочешь, я покажу тебе город? – не отступал Илья. – Не желаешь сегодня, можем встретиться завтра.

– Хочу! – обрадовалась Женька. – А можно, я буду со Светланой?

– Конечно! Я утром позвоню!

Светке эта идея совсем не понравилась.

– Третий лишний! – категорично заявила она. – К тому же, у меня полно работы!

– И что ты придумываешь? – оправдывалась Женька, он просто по-дружески предложил мне показать город!

– Вот и гуляй с ним по-дружески! Но без меня!

Утром Женька спросила у подруги:

– Свет, а почему мы работаем именно здесь, в Минске? Ведь по сценарию у нас действие происходит в Москве, а снимаем тут. Зачем надо ехать куда-то, если можно всё сделать на месте?

– Так тут съёмки обходятся в разы дешевле! Даже вместе с командировочными выплатами. А у нас малобюджетное кино!

Женька задумалась.

– А вы всегда набираете съёмочную группу из местных?

– Практически всегда, только некоторых актёров привозим, обычно на главные роли, а второй план чаще из местных берём. Свет, звук, реквизит и прочие службы всегда минские.

– А Илью ты давно знаешь?

– Ааааа! Зацепил-таки тебя Илюша! – довольно улыбулась Светка.

– Нууу, не то чтобы зацепил, просто он мне интересен, – смутилась Женька.

– Нет, я прежде его не знала, он первый раз с нами работает. Раньше был Богдан, но, насколько я знаю, он в Москву перебрался. А ты, подруга, на правильном пути! Хороший выбор сделала.

– Да никакого выбора я не делала, – ещё сильнее смутилась Женька. – Просто интересно, что он из себя представляет.

– Вот сегодня сама и расспросишь его обо всём!

Вскоре Илья позвонил, и Женька отправилась на встречу. Или всё-таки на свидание? Она и сама не знала, но Светка была абсолютно уверена, что это свидание. Женька же утверждала, что просто идёт на прогулку по городу. Она осталась в восторге от всего, что в тот день увидела. Илья оказался знатоком местной архитектуры. Он познакомил Женьку со старыми и современными зданиями Минска. Всё тут было достаточно интересным: и башни-близняшки возле Центрального вокзала – настоящий памятник сталинской архитектуры, и забавные «дома-кукурузы», и какие-то фантазийные, необычайно яркие домики в стиле Гауди, которые Женька разглядывала с восторгом первобытного человека. Впечатлило её и здание Национальной библиотеки необычной формы. Она с трудом повторила за своим гидом слово «ромбокубоэктаэдр». А уютный дворик у чешского посольства с необычным фонтанчиком и особым духом старины совершенно сразил её. Заглянули они и в костёл Святого Роха, и по Лошицкому парку погуляли, с интересом осматривая старинную усадьбу. Они много ходили пешком, спускались в метро, поднимались на смотровую площадку. Илья оказался замечательным рассказчиком,

он довольно много знал о своём городе и подробно отвечал на каждый Женькин вопрос. Речь его была плавной и певучей, как, впрочем, у всех местных жителей. Вечером, когда Женька прокручивала в памяти весь этот день, ей казалось, что она побывала в каком-то неведомом мире, похожем на сказку.

– Едва держусь на ногах, – сказала она, входя в квартиру.

– А глазки-то у тебя горят! – подметила Светка. – Эх, молодец Илюша! Быстро сообразил, чем тебя можно взять.

– Он обещал в следующий раз в музей современного искусства меня сводить. Представляешь, там выставка Шагала будет!

– Представляю! – усмехнулась подруга.

Так началась у Женьки совершенно новая жизнь. Она, конечно, давно знала, что каждый человек – это огромный мир. Но то, что этот мир будет таким наполненным и интересным, она даже предположить не могла. Илья постоянно удивлял её. Да и сами их отношения не были похожи на то, что связывало Женьку с Игорем. Это больше напоминало родственные, почти братские узы. Никакой страсти, никого сумасшествия. Они с Ильёй были близки по духу, по увлечениям. И это как-то по-особому грело ей душу. Зато Максим Сергеевич стал с ней невыносимо строг. Если прежде он не позволял себе кричать на неё, как на других членов группы, то теперь нередко срывался из-за любого пустяка. А оператор Слава неожиданно отдалился, коротко кивал при встрече и тут же отворачивался, да и на вечерний чай уже больше не напрашивался.

Постепенно Женька многое узнала об Илье. Он коренной минчанин и всю свою жизнь, длиною в двадцать восемь лет, прожил в этом городе. По национальности белорус. Родители – инженеры, работают на автозаводе. У него есть младший брат Ян, он музыкант, играет на ударниках в какой-то местной группе. Сам Илья окончил академию искусств. Увлекается лепкой и живописью, что Женька уже успела заметить. Она тоже многое рассказала о себе, за исключением последней печальной истории, благодаря которой она и оказалась здесь.

Дни летели за днями, работа приближалась к концу. А значит, близился и час расставания, но Женька старалась не думать об этом. Вот отсняли последнюю сцену (крайнюю, как тут принято говорить), дружно подняли бокалы с шампанским и крикнули громкое «Ура!». Для традиционной шапки (празднования завершения проекта) зарезервировали небольшое уютное кафе. Дамы, нарядные и неожиданно похорошевшие, мило щебетали за большим общим столом. Мужчины со своими длинными многословными тостами то и дело испытывали терпение тех, кто жаждал поскорее расслабиться. Непревзойдённая прима Синицина, поджав губки, сидела в сторонке. Поскольку она была лицом, приближенным к телу режиссёра, то ни с кем из группы дружбы не водила. Но надо же было такому случиться, что за три дня до окончания съёмок законная жена Максима Сергеевича коварно вторглась на её территорию, неожиданно приехав с сыном, якобы развеяться, и оттеснила тем самым звезду от вожака. И теперь синицинский покровитель вынужден был изображать любящего отца и верного мужа. А ей, бедняжке, некуда было деваться. Все это понимали и с улыбкой отводили глаза.

– Пойдём, я познакомлю тебя с братом, – сказал Илья, кивая на небольшое возвышение у стены, где расположились музыканты.

За барабанами сидел парень, очень похожий на Илью. Те же черты лица, только менее brutальные, нежели у старшего брата, пристальный взгляд из-под сросшихся на переносице бровей, длинные русые волосы, распущенные по плечам. Он вскочил, тряхнул головой, отбрасывая волосы назад, выпрямился, пристукнув каблуками, и галантно протянул Женьку руку ладонью вверх. Она подала свою, и парень приложился к ней губами. Это выглядело довольно игриво, но как-то по-доброму.

– Ян у нас известный сердцеед, – улыбнулся Илья, шутливо показывая братцу кулак из-за спины, – поэтому мы лучше вернёмся за стол.

Женька кивнула и пошла за ним, боковым зрением заметив поднятый Яном большой палец, что означало высокую оценку выбора брата. Она улыбнулась, но тут же наткнулась на недобрый взгляд оператора, вскользь брошенный на неё. Слава отвёл глаза и обратился к Синициной, всем своим видом изображая желание утешить несчастную, на лице которой поселилось вселенское горе. Губы актрисы были сложены в скорбную куриную гузку, глаза печально опущены в бокал, который Слава принялся методично наполнять по мере его опустошения. Вскоре глазки звезды заблестели, и она неожиданно обратилась к Женьке:

– Давай выпьем, Недотрога! Хотя нет, не такая уж ты и недотрога, вон какого завидного парня охомутила, а на него тут многие заглядывались! Ты, оказывается, не промах! С режиссёром не выгорело, так на художника переключилась!

Она пьяно икнула, и Женька поспешила отвернуться. Перспектива общения с нетрезвой звездой ей совсем не улыбалась

– Давай сбежим отсюда! – предложил Илья.

– Давай! – тут же согласилась Женька. – А куда?

– Да хоть куда, можно просто погулять, у нас ведь последний вечер.

– Чего ты от меня морду воротишь? – заплетающимся языком проговорила Синицина, обращаясь к Женьке, но та уже двинулась за Ильёй к выходу.

Он держал её за руку, увлекая за собой, а на улице мягко обнял за плечи. И Женьке вдруг стало удивительно тепло и уютно под его рукой. Они медленно брели по ночному городу. Весь мир словно распахнулся им навстречу. Редкие звёзды подмигивали с небес, в свете фонарей мелькали мотыльки, и духмяный аромат трав, сгустившийся с наступлением темноты, кружил голову. А может, это от вина она так кружилась? Женька вдыхала эту пряную, пьяную ночь и наслаждалась ею. Она шагала, прижавшись к Илье, ощущая его тепло. Они молчали, да и слова тут были совсем не нужны. Просто хорошо было брести вот так вдвоём в никуда, не думая ни о чём. Неожиданно перед Женькой возникла дверь, она отворилась, и подъезд дыхнул в лицо ароматом наваристого борща и чеснока. Илья увлёк девушку за собой. Она не поднималась по лестнице, нет, ступени как будто сами опускались и ложились Женьке под ноги. Вот отворилась ещё одна дверь, и темнота квартиры поглотила их. Каким-то непостижимым образом Женька оказалась на мягком диване. Что это был за диван! Он словно втягивал её в свои объятия, суля незабываемые минуты сладкой неги. И было трудно противостоять искушению, да и стоило ли?

Когда Женька открыла глаза, за окном было раннее утро. Она осторожно поднялась, чтобы не разбудить Илью, и отправилась искать ванную комнату. Вскоре она уже осматривалась в незнакомой квартире, вода взглядом по книжным полкам и картинам на стенах. Она и не заметила, что Илья проснулся и внимательно наблюдает за ней.

– Кофе хочешь? – спросил он, и Женька вздрогнула от неожиданности.

– Конечно, хочу! – ответила она, усаживаясь в кресло, ещё раз осмотрелась вокруг и спросила:

– Это твоя квартира?

– Раньше тут бабушка с дедом жили, отцовы родители, а теперь мы с братом, – пояснил он. – На-ка вот, посмотри фото, пока я кофе варю.

И он протянул Женьке старый альбом в бордовом бархатном переплётёте. Она листала толстые страницы, разглядывая чёрно-белые фотографии, и вдруг замерла от неожиданности – перед ней был тот самый снимок, который она недавно нашла в старом бабушкином комодё. Её прабабка Женя с маленькой бабой Машей на руках!

Не может быть! Откуда?

Глава 6

Тайны прошлого

– Откуда у тебя это? – дрожащим голосом спросила Женька у вошедшего Ильи.

Он поставил круглый поднос с кофе на столик и внимательно посмотрел на фото.

– Я не знаю. Старая семейная фотография. Возможно, кто-то из моих предков. Надо у деда с бабушкой спросить.

– Это не твои, это мои предки! – возразила Женька. – Моя бабушка Маша и прабабушка Женья!

– Не может быть!

– Может! Бабушка родилась на Урале сразу после войны от какого-то эвакуированного. Точнее я не могу сказать. Просто не знаю. Кто-то из твоих предков был в эвакуации?

– Кажется, прадед был, – неуверенно проговорил Илья и попытался вынуть фото из альбома, но у него это никак не получалось – три уголка были вставлены в прорези, а четвёртый оказался приклеенным. Пришлось его просто оторвать. Он повернул снимок тыльной стороной. Там уже знакомым Женьке размашистым почерком и всё теми же фиолетовыми чернилами было написано: «1947г. Марусе 1 годик».

– Как звали твою прабабушку? – спросил Илья.

– Евгения Петровна Лаврова.

– А бабушку?

– Мария Ильинична Лаврова.

– Она жива?

– Нет.

– Если она Ильинична, и её фото хранится в нашем альбоме, то получается, что у нас с тобой один прадед? Ничего себе!

Женька и сама уже поняла это. Мир, ещё недавно такой тёплый и уютный, сотканный из неги и пронизанный лучами счастья, рухнул в один миг, и её засыпало острыми осколками. Они вонзались в сознание, в душу, рвали её на части, кололи и резали по живому, ставя крест на всём, что она недавно обрела.

Илья медленно опустился в кресло и растерянно посмотрел на Женьку.

– А как же мы? – выдохнул он. – Кто ты мне тогда? Сестра, что ли?

Женька горько вздохнула.

– У тебя есть фото этого прадеда? – немного придя в себя от потрясения, спросила она.

Илья торопливо начал листать альбом.

– Вот он! Здесь ещё молодой, сразу после войны, – он ткнул пальцем в старую фотографию, – а вот это, – он перевернул страницу, – уже намного позднее, вот таким я его помню.

Женька внимательно рассматривала лицо пожилого мужчины. На неё смотрели глаза бабы Маши. Тот же разрез, тот же пронизательный, «учительский» взгляд, как часто говорила мама, потому что бабушка всю жизнь проработала учительницей начальных классов. А оказывается, никакой он не учительский! Этот взгляд она получила в наследство от своего отца!

– Она похожа на него! – только и смогла сказать Женька. – Значит, это правда. Он её отец. И мы с тобой родственники.

– Дальние, – добавил Илья.

– Всё равно. Мы с тобой одной крови, – горько усмехнулась Женька. Любимая с детства фраза, которую гордо произносил мультяшный Маугли, сейчас наполнилась другим содержанием и звучала для неё совершенно трагически. Ещё каких-то пару минут назад Женька была абсолютно счастлива, а теперь даже и не знала, как ей относиться к неожиданному открытию.

– Может, это только наши домыслы? – с надеждой проговорил Илья. – Давай сейчас пойдём к моим родителям, дед с бабкой теперь с ними живут. Они хоть и старые, но ещё в здравом уме. Мы всё у них и спросим. Лучше сразу выяснить, чем теряться в догадках.

– Нет, – отозвалась Женька, – я никуда не пойду. Мы сегодня уезжаем, мне надо собраться в дорогу.

– Оставь свой электронный адрес, я тебе напишу! А лучше приеду к поезду. Можно?

– Не надо. Не приезжай. Я должна всё это осмыслить. Адрес сейчас напишу.

– Но я люблю тебя, Женечка! – он произнёс это с таким надрывом, с такой болью, что у неё всё сжалось внутри. В другой ситуации эти слова могли сделать её несказанно счастливой.

– Братская любовь не предполагает всего, что случилось этой ночью, – едва сдерживая слёзы, сказала Женька. – А мы теперь можем говорить только о братской любви, не более.

– Вспомни историю! Она знает немало браков между родственниками!

– Это инцест! – бросила она резко, буквально припиливав его к креслу этим словом, поднялась и направилась к двери. – Не провожай! Я хочу побыть одна.

Как же ей хотелось послать к чёрту всех своих родственников с их тайнами и секретами! Всех, кто только что разрушил её жизнь.

Она шла и плакала. Горько. Навзрыд. Хорошо, что улицы в этот час были почти безлюдны. Светка, увидав её лицо, лишилась дара речи. Когда Женька, всхлипывая и вытирая ладонью слёзы, поведала ей о своём горе, та смотрела на неё ошалелым взглядом, не зная, что и сказать. Наконец она собралась с мыслями и решительно произнесла:

– Не паникуй раньше времени! Пока это только твои фантазии, ничего конкретно утверждать ты не можешь. Приедешь домой, разберёшься с этой историей, и всё встанет на свои места! Но даже если это так, разве плохо обрести брата?!

– Какой брат?! – закричала Женька. – Не нужен мне никакой брат!

Она опустила на колени и тихо заскулила.

– Женечка, миленькая, успокойся! Ещё ведь ничего не ясно! Может, тут совсем другая история!

Светлана гладила подругу по голове, не зная, чем ещё можно её утешить.

– Свееет, – прошептала Женька, продолжая всхлипывать, – я, кажется, влюбилась.

– Вот! И правильно! Я тебе говорила! Клин клином!

– И что мне теперь с этим клином делать? – в голос разрыдалась Женька.

Светка уложила её на кровать, накрыла пледом и присела рядом.

– Поспи немного, а я пока наши вещи соберу.

– Я не усну!

– Тогда просто полежи.

Та послушно закрыла глаза, но продолжала всхлипывать.

Они уже сидели в вагоне, когда пришло письмо от Ильи. Дрожащей рукой взялась Женька за смартфон и стала читать.

«Дорогая Женечка!

Я расспросил всю свою родню: отца, деда Тараса и его старшую сестру Янину. И то, что я узнал, меня совсем не радует.

Прадед мой, Илья Тарасович Буткевич действительно в годы войны жил на Урале. Тогда многие предприятия эвакуировались вместе с работниками. А он был ценным специалистом, как утверждает дед. Когда началась война, ему было лет тридцать, был женат и имел трёхлетнюю дочь Янину. Жена его, моя прабабушка в июне 1941 года работала медсестрой в пионерском лагере, и дочка была при ней. Детей эвакуировали в первую очередь, и они уехали вместе с лагерем, раньше деда. Так они потерялись и всю войну искали друг друга. До него дошла информация, что семья погибла в бомбёжке, он их горько оплакивал и решил остаться в тех краях. Там он сошёлся с какой-то женщиной. Позднее, в конце 1945 года он получил известие,

что семья его оказалась жива, и вернулся домой. А та женщина, с которой он жил на Урале, была беременна и родила дочку уже после его отъезда. Видимо, это и была твоя прабабушка. Имени её никто не помнит, но ту фотографию прислала она. Это точно.

Вот и вся история, сестрёнка».

И Женька опять залилась слезами, отвернувшись к стене. Только уже не навзрыд, а украдкой от Светки, у которой просто сердце разрывалось при виде плачущей подруги. Но разве могла она не заметить вздрагивающих плеч и с трудом сдерживаемых всхлипов?

– Жень, а почему бы вам не быть вместе, если ты влюбилась? Илья ведь не отказывается от тебя? Он же тоже тебя любит!

– Он мой брат! – не поворачиваясь, проговорила Женька.

– Троюродный! А история знает массу примеров, когда женились и более близкие люди! В прошлые века молодые люди влюблялись в своих кузин, венчались и прекрасно жили! Я где-то читала, что кровное родство предполагает более глубокие, более нежные чувства. Это же особая духовная близость, тяга друг к другу на генетическом уровне! А в древнем Египте, например, даже с родными сёстрами браки допускались!

– А потом они рожали уродов и маялись с ними всю жизнь! – всхлипнула Женька.

– А ты не рожай! Разве возможность быть вместе с любимым человеком не стоит небольшой жертвы?

– Ничего себе – небольшая жертва! Тебе хорошо говорить, ты уже родила, а я должна всю свою жизнь без детей прожить?

– Ну, почему же без детей? Ты в каком веке-то живёшь? При современных технологиях и реально существующем банке спермы вполне можно родить здорового ребёнка! Не факт, что и Илюхин ребёнок непременно родится больным! А может, наоборот, гений будет?! Мать Пушкина, например, доводилась своему мужу троюродной племянницей! И родила гениального сына!

Женька промолчала, и подруга отступилась от неё. Пусть успокоится, потом сможет посмотреть на ситуацию более трезво.

Но разве тут успокоишься? Эх, бабушка Жень! Как же так? Почему ты выбрала именно этого мужчину? Почему и Женьке из всех парней на проекте должен был приглянуться только Илья? Это Всевышний так забавляется? Шуточки шутит? Тасует, играючи, людские судьбы и наблюдает сверху, как людишки тут маются. А вот нетушки! Не сдастся она! Сейчас главное – добраться до дома, а там уж как-нибудь. Постепенно жизнь наладится, и всё встанет на свои места.

С этими мыслями Женька и заснула.

Поезд плавно скользил вдоль перрона, когда в толпе встречающих мелькнул огромный букет роз нежно-кремового оттенка. Именно такие розы Женьке всегда нравились. У кого-то радостная встреча. Счастливые! Но лучше этого не видеть. И она поспешила достать свой чемодан.

– Глянь-ка! – воскликнула Светка. – Это же твой Казанова с букетом! Неужели тебя встречает? А откуда он узнал?

Женька снова повернулась к окну: по платформе, рядом с вагоном, шагал Игорь и махал ей рукой.

– Только не вздумай сейчас простить его! – строго сказала подруга. – Иначе ты с ним ещё хлебнёшь горя! Он сразу почувствует, что ты не в себе, и тут же воспользуется ситуацией. Утешит несчастную, а потом снова возьмётся за своё. Кобель, знаешь ли, он и в Африке кобель!

Женька молчала.

– Я выхожу первая, ты за мной! – скомандовала Светка и двинулась вперёд, потянув за собой чемодан.

Женька послушно пошла следом.

– А где же твой Стас? Он не встречается тебя? – удивлённо спросила она подругу, выходя из вагона.

– Наверное, занят, как всегда. Да и зачем? Я прекрасно доберусь до дома на такси.

Женьке захотелось сказать что-нибудь неллицеприятное про Светкиного мужа, но она сдержалась. К тому же, к ней уже бросился Игорь с букетом тех самых роз.

Встреча с ним ничего не всколыхнула в Женькиной душе. Она приняла цветы, сухо поблагодарила и пошла рядом с бывшим женихом по платформе. Светка не отходила ни на шаг.

– Может, ко мне? – предложил Игорь. – Я приготовил для тебя сюрприз!

– Спасибо! – усмехнулась Женька. – Твой последний сюрприз меня очень впечатлил, поэтому лучше без них. Я домой.

– Я довезу тебя! Моя машина припаркована вон там, в сторонке!

– Спасибо, мы на такси!

– Жень!

Она остановилась и повернулась к Игорю, всем своим видом изображая внимание. Он заговорил с мольбой в голосе:

– Сегодня в Доме кино закрытый показ нового фильма, в котором я снимался в прошлом году. У меня пригласительный билет на два лица. Пойдём, а?

– Нет! – твёрдо ответила Женька, возможно, даже слишком твёрдо. – У меня другие планы на этот вечер.

Развернулась и пошла следом за Светкой.

– Ну, ты молоток, подруга! Так круто отшила нашего Казанову! – прошептала Светка, когда они сели в такси. – Может, придёшь вечерком к нам?

– Нет, у меня и в самом деле очень важные планы на вечер. К тому же, мне надо потихоньку вещи перетаскивать в бабушкину квартиру.

– Давай, я завтра на машине подъеду, и всё перевезём.

– Давай! А сегодня я возьму только самое необходимое и сразу туда.

Женьке не терпелось поскорее заглянуть в старую прабабушкину папку, которая невероятным образом изменила её жизнь. А если бы она тогда не увидела этот снимок? Ведь всё могло сложиться совсем по-другому. Они с Ильёй были бы вместе и ничего не знали о своём родстве. Только лучше ли это?

Глава 7

Голубая кровь

Наконец-то Женька добралась до заветной папки. В первую очередь она пересмотрела все фотографии в надежде увидеть среди них лицо своего прадеда. В прошлый раз она не особо обращала внимание на незнакомые мужские лица, а сейчас с пристрастием разглядывала их. Вот он! Илья Тарасович Буткевич. Женька взяла в руки небольшой снимок. Фото мутное, но узнать можно. Она внимательно разглядывала лицо человека, сыгравшего роковую роль не только в судьбе её прабабки, но и в её, Женькиной, судьбе. Должны же быть в нём хоть какие-то черты правнука. Но нет, не похож Илья на своего прадеда! Ну и что? Женька тоже на свою прабабку не похожа. Да и баба Маша не очень-то похожа на неё. Значит, бабушка в отца пошла, в род Буткевичей, уж глазами-то точно! Да и форму лица, очертания губ, скорее всего, она переняла от отца. Интересно, а на кого же тогда походит мама? Уж явно не на бабу Машу. Значит, на своего отца? На того мужчину в сером костюме, спина которого однажды мелькнула возле загса? Вполне возможно. Поскольку Женька унаследовала мамину внешность, стало быть, и она похожа на него. Но кто же он? Жив ли ещё? Интересно было бы на него взглянуть. Может, и его фото сохранилось? Но как теперь понять, он это или нет, если даже мама никогда его лица не видела? Стоп! Если мама похожа на него, значит, надо в незнакомых мужских лицах искать мамины черты.

Женька ещё раз перебрала все фотографии, но ничего похожего не нашла. Со старых чёрно-белых снимков на неё смотрели совершенно чужие люди. Вот группа рабочих, вероятно, строителей, стоит на фоне большого плаката, на котором крупными буквами написано: «Магнитостроевцы! Сдадим объект...» Следующая строка закрыта фигурами людей. Что они там собрались сдавать? Новый цех? Или жилой дом? Присмотревшись повнимательнее, Женька нашла среди строителей девушку, похожую на Евгению Петровну. Вероятно, это она в молодости. А вот она сидит за кульманом, что-то чертит. Во взгляде – серьёзность и сосредоточенность. Молодая, красивая, уверенная в себе. Женька внимательно вглядывается в её черты, потом снова перебирает старые снимки. Со всех фотографий веет совершенно другой, незнакомой ей жизнью.

Одно фото выделяется особо. Оно явно дореволюционное, напечатанное на плотной бумаге, а на обратной стороне необычная надпись: «Фотографическое ателье П. П. Павловъ. 1916 годъ». На снимке запечатлена счастливая семья. Молодая дама в широкополой кружевной шляпке и красивом платье с оборками сидит на стуле с высокой спинкой. Голова слегка откинута назад, спина прямая. Левой рукой она обнимает стоящую рядом с ней девочку с широко распахнутыми глазами, в которых читается ожидание чуда. Пышное платьице на девочке перетянато широким пояском, на голове – соломенный капор, завязанный под подбородком атласными лентами. Позади них стоит важный господин в тёмном сюртуке и светлой рубашке. Его правая рука лежит на плече женщины. На лице читается довольство. Кто они такие и какое отношение имеют к ней, Женьке? Неужели эта юная барышня и есть Евгения Петровна? Сложно сказать. Но неспроста ведь прабабушка хранила это фото.

Женька отложила снимки в сторону и вынула из папки остальное содержимое: толстую тетрадь, исписанную всё теми же фиолетовыми чернилами, и множество разрозненных листочков, на которых были либо стихи, либо карандашные наброски. Похоже, прабабушка тоже любила рисовать, видимо, это у них семейное. Некоторые рисунки были подписаны по-французски. Женька бегло просматривала их и складывала в стопку. Она решила оставить это на потом, а сейчас начать с тетради. Но глаз её невольно зацепился за первую строфу на одном из листочков:

Неизбежность случайных встреч,
Односложность невнятных фраз,
Невозможность в слова облечь
Нерастрченных чувств запас...

Женька прочла и задумалась. Она представила молодую Евгению Петровну, которая стоит у окна, сложив руки на своём большом животе, и смотрит вслед уходящему от неё мужчине, отцу её будущего ребёнка. Зачем он встретился на её пути? Это была неизбежность или случайность? Или неизбежность и случайность одновременно? Но разве так бывает? А может, и Женькино знакомство с Ильёй было неизбежностью? Или всё-таки случайностью? Господи! У них даже имена совпадают! Илья Тарасович и Евгения Петровна. Илья и Евгения.

Как тонко всё срежиссировано! Как хитроумно!

Женька отложила листочки и раскрыла тетрадь. Уже знакомым ей почерком посередине первой страницы было написано: «Долг обязывает меня начать эти записи, дабы потомки мои знали свои корни». Перевернув страницу, она углубилась в чтение.

Оказалось, что прабабушка Женья происходила из дворянского рода. Матушка её, Мария Александровна Данилова, выпускница института благородных девиц, в январе 1912 года вышла замуж по взаимной любви за отставного офицера Петра Евгеньевича Лаврова. В конце

этого же года, как раз накануне Рождества, у них родилась дочь. Пётр Евгеньевич ждал наследника и хотел назвать его Евгением в честь своего отца, да и по святцам это было вполне подходящее имя. Рождение дочери смешало его планы, но после недолгих раздумий новорожденная была наречена Евгенией.

Жили они тогда в Москве, на Якиманке, в небольшом особняке. Детство Женечки Лавровой было счастливым и беспечным ровно до той поры, пока в её жизнь не ворвалось страшное слово «революция». И всё разом перевернулось с ног на голову. Их прежде весёлый и гостеприимный дом стал тихим и печальным. Матушка часто стояла на коленях перед образами, батюшка был молчалив и задумчив. В тот год и Рождество было каким-то невесёлым, и пятый день рождения Женечки праздновался без приглашённых гостей, лишь в узком кругу её семьи. А однажды, уже после нового года, испуганный дворник Гаврила принёс недобрую весть: Петра Евгеньевича застрелили. Тут же, на Якиманке, когда он возвращался домой. Была ли то шальная пуля, случайно настигшая его, или кто-то намеренно целился в «недобитого буржуя», никто того не знает. Лихое было время. Дом погрузился в траур, матушка плакала и молилась, а пятилетняя Женечка с тревогой смотрела на неё. Этим и запомнилась девочке зима 1918 года.

А весной их особняк реквизировала новая власть, и Мария Александровна с дочерью были просто выброшены на улицу. Дальние родственники приютили их на время, и началась жизнь, полная бед и лишений. Вскоре им повезло, и матушка устроилась домашней учительницей в семью профессора медицины, который теперь служил новой власти. Она обучала французскому языку и музыке двух его дочерей. В качестве оплаты ей положили питание и проживание в профессорской квартире, где им с дочкой выделили небольшую комнатку. И это стало для них спасением. Женечка часто присутствовала на матушкиных занятиях и вскоре уже неплохо изъяснялась по-французски и могла играть на фортепьяно небольшие пьески, благо, что хозяйева позволяли ей пользоваться инструментом. Всё это давалось ей легко, без особого напряжения. Когда девочке пришло время учиться в школе, Мария Александровна устроилась туда учительницей и вскоре получила от властей своё жильё – просторную светлую комнату в большой коммунальной квартире.

Женька отложила тетрадь и вернулась к старинному семейному фото. Теперь она более внимательно вглядывалась в лица. Неужели этот господин доводится ей прапрадедом? А дама

в шляпе – прапрабабушка? Тогда эта восторженная девочка, что так светло и ясно смотрит на неё со снимка, и есть прабабушка Женя. Ей ещё неизвестно, что ждёт их впереди, как не знают того и её родители.

Ночью Женьке снились какие-то особняки, кареты, нарядные дамы и услужливые лакеи. Едва проснувшись, она вновь взялась за прабабушкину тетрадь, но неожиданный звонок оторвал её от чтения.

– Туманова, мы сегодня переезжаем или как? – бодрый голос Светки вернул её в реальность.

– Ой, извини, я совсем забыла! Увлечлась мемуарами прабабушки. Так интересно, что невозможно оторваться.

– Вот-вот, ты там чтением увлечена, а я тут отбиваюсь от твоего Казановы!

– Чего ему опять? – недовольно спросила Женька.

– А ты не догадываешься? – усмехнулась подруга. – Телефончик твой просит, ты ведь симку-то поменяла!

– И что?

– Что-что! Держу оборону!

– Интересно, когда он отступится?

– Когда ты пошлешь его подальше! И лучше матом!

– Не могу я матом! – рассмеялась Женька. – Мне моя голубая кровь не позволяет! Ты представляешь, я узнала, что мои предки были дворянских кровей!

– Да ладно!

– Честное слово! Приедешь – покажу тебе кое-что интересное.

– Ладно, еду! Выходи! Мои ушли на самокатах кататься в парк, мы с тобой как раз успеем вещи перевезти. Меня Их Величество Супруг отпустил аж на целых два часа!

Женька тут же представила недовольную мину Стаса, с которой он благосклонно позволил жене навестить подругу.

Приехав со Светкой к матери, Женька первым делом спросила у неё:

– Ты знала, что бабушка Женя у нас из дворян?

– Не так давно узнала, мама мне рассказала перед смертью. Ей когда-то бабушка строго-настрого запретила говорить об этом. Время такое было, что за дворянское происхождение можно было угодить далеко и надолго. Вот она и хранила всё в тайне, оберегала нас. Сейчас-то другое дело, нынче все в дворянство метят, – усмехнулась она. – Да что с него толку-то? Разве что самолюбие потешить. Все мы одинаковы, какие бы титулы себе не присваивали.

– Ну, не скажите, тётя Саша, – вступила в разговор Светка, – на вас с Женькой только глянешь и сразу видишь – дамы благородного происхождения! Какие лица, какая осанка! А кожа! Только у аристократов могла быть такая нежная белая кожа! И тонкая кость! В общем, породу ничем не испортишь!

– Кстати, о породе, – прервала её Женька. – Я сегодня пересмотрела кучу старых снимков. Мы с мамой мало похожи на аристократическую прабабушку Женю. А на бабу Машу не похожи совсем! Отсюда вывод: наша так называемая породистость, как выразилась Света, досталась нам по другой линии, от твоего отца, мамочка! И мне очень хотелось бы хоть одним глазком на него посмотреть.

– Тут я тебе ничем не помогу, – развела руками Александра Сергеевна. – Я уже сказала, что никогда его не видела.

– А ты никогда не задумывалась, почему у тебя такое имя? Практически мужское.

– Ну и что? Я тоже дала тебе почти мужское имя! – возразила мать. – Это совершенно ни о чём не говорит.

– А вдруг говорит? – не унималась Женька. – Я узнала, что бабушку Женю называли так лишь потому, что отец её ждал сына и хотел дать ему имя Евгений в честь своего отца. А если

баба Маша, зная эту историю, решила поступить так же и дала тебе имя твоего отца? Может быть, его звали Александром?

– Но он мог быть и Сергеем, раз у меня отчество Сергеевна.

– Тогда его звали Сергеем Александровичем! Вдруг он тоже ждал сына и хотел назвать его Сашкой? В честь своего отца.

– Жень, уймись! Оставь свои фантазии! Он не мог никого ждать! Его никогда не было в моей жизни!

– В твоей не было, а в бабушкиной-то был!

– Всё! Хватит! Эти домыслы ни к чему не приведут, – остановила её Александра Сергеевна. – Давайте лучше вещи выносить. И не забудь взять в холодильнике два контейнера с едой. В одном – салат, в другом – котлеты. Я специально для тебя приготовила, а то сидишь там, наверное, голодная.

Женька кивнула. Мама, как всегда, права – она так увлеклась чтением, что даже поесть забыла.

Светка помогла ей занести сумки в квартиру и попросила показать найденные реликвии. Женька разложила перед подругой содержимое папки. Та долго разглядывала старые снимки, потом взяла один из листков и прочла вслух:

Богинею в лёгких сандалиях
Явлюсь я в минуту покоя,
И пояс хитона на талии
Распустишь ты лёгкой рукою...

– Это что, бабуля твоя сочинила? – удивлённо спросила Светка.

– Думаю, да, – кивнула Женька. – Видишь, тут много исправлений и помарок, значит, она писала и правила. Это, так сказать, первоисточник. Раритет.

– А крутая у тебя прабабка была! Богиня в лёгких сандалиях! Это ж надо такое придумать!

– Да, похоже, она была человеком весьма неординарным, – согласилась Женька. – Стихи, рисунки, мемуары. Читаю и диву даюсь, настолько всё это интересно.

– Есть женщины в русских селеньях! Неудивительно, что Илюхин дед увлёкся ею, – сделала вывод Светка. – Кстати, об Илье. Он не звонил тебе?

– Нет, пока не звонил, но прислал несколько писем.

– Ответила?

– Нет. Не знаю, как мне теперь себя вести с ним.

– Всё тебя учить надо! Держись просто, как и прежде, как будто ничего страшного не произошло.

– В том-то и дело, что произошло! Всё произошло!

– И это было так страшно?

– Это было волшебно! Страшное случилось потом.

– Отмети всё, что потом. Оставь только то, что волшебно.

– Да как же я это отмечу? Вот оно, всё тут! В этих бумагах! В этих старых фотографиях! Вот, знакомься – Илья Тарасович Буткевич, – при этих словах Женька протянула подруге старое фото. – Наш с Ильёй общий прадед!

– А Илья на него совсем не похож! – заключила Светка, внимательно рассмотрев снимок.

– Ну и что? Я тоже! А я, между прочим, такая же его правнучка, как и Илья!

– Блин! Санта-Барбара какая-то! – в сердцах проговорила Светка, вынимая из кармана звонивший телефон. – О! Меня уже хозяин к ноге призывает. Пока, подруга! – помахала она рукой, направляясь к выходу.

Закрыв за Светланой дверь, Женька остановилась в раздумьях, чем же ей вперёд заняться – разобрать привезённые вещи или продолжить чтение?

– Вещи, конечно, важнее, – произнесла она вслух и отправилась читать дальше.

Глава 8

В буднях великих строек

Женечка Лаврова росла смышлёной девочкой. Учёба давалась ей легко, и, окончив школу, она так же легко могла бы поступить в институт. Выбор пал на факультет иностранных языков. Но при подаче документов пришлось заполнить анкету, где одним из вопросов был такой: «Чем занимались ваши родители до 1917 года?» Естественно, её происхождение сыграло свою роковую роль, и в институт её не приняли. А вот в ремесленное училище взяли без проблем, страна нуждалась в рабочих кадрах. И потомственная дворянка начала осваивать премудрости профессии строителя, а точнее, штукатура-маляра. Подруга Тамара, с которой они вместе учились, уговорила её по окончании учёбы поехать возводить Магнитку. Получить комсомольские путёвки на стройку века не составило труда, и вскоре Евгения оказалась на Южном Урале.

Романтика трудовых будней, о которой девушки знали из газетных передовиц, на деле оказалась борьбой за выживание. Поскольку основные силы строителей были брошены на металлургический завод, который постепенно рос и расширялся, то пресловутый жилищный вопрос в Магнитке решался не так уж быстро. Вокруг завода лепились наскоро поставленные бараки, сменившие первые землянки и палатки. В одном из них, холодном, перенаселённом, с убогой печкой-буржуйкой и нужником на улице, пришлось поселиться и юным москвичкам. При виде этого жилища, дыхнувшего им в лицо смесью пота, затхлости и кислых щей, энтузиазма у подруг несколько поубавилось. Но они всё равно верили, что сумеют преобразить эту убогую жизнь своими собственными руками. Город строился практически с нуля и задумывался как центр нового, социалистического образа жизни. Работать приходилось на износ, да ещё на стройплощадках, продуваемых колючими степными ветрами. Но громкое слово «соцсоревнование» каким-то невероятным образом поднимало людей на трудовые подвиги. Конечно, не все приехавшие сюда добровольцы выдерживали непростые условия жизни, находились и такие, кто просто сбегал. Подруги поклялись себе, что не спасуют перед трудностями, чего бы им это ни стоило, и старались изо всех сил.

Женька отложила тетрадь. Какой ужас! Её прабабка, дворянка, бог знает, в каком поколении, воспитанная на хорошей литературе и классической музыке, безупречно владеющая французским языком и обладающая явным литературным даром, работала на стройке маляром-штукатуром! Да ещё в таких жутких условиях! Как же она всё это вынесла? Женька представила себя разжигающей буржуйку в холодном бараке, как когда-то это делала юная Женечка Лаврова. Вот она берёт непослушными, дрожащими от холода пальцами отсыревшие спички, вот несколько раз чиркает, пытаясь выбить огонь, но всё безрезультатно. Наконец появляется слабенькое пламя. Девушка подносит спичку к скомканной старой газете, вспыхивает огненный столб и тут же перебрасывается на шаль, в которую она укутана. Жуть! И как бабушка тогда не обгорела? Быстро скинула шаль и полила её водой из ковшика, но при этом промочила валенки, и пришлось их сушить возле печи. А без валенок в бараке холодно!

Каждую историю, описанную прабабушкой, Женька словно примеряет на себя. Вот она идёт к реке за водой. Холодный порывистый ветер буквально пронизывает насквозь, задирает полы старенького пальто, сбивает с ног. Но без воды никак нельзя, и надо шагать дальше. Сегодня её очередь.

Мысленно представляя себе эти картины, Женька поёживается, словно от холода. А каково же это – пережить всё наяву? Она идёт на кухню и ставит чайник, как будто хочет согреться за свою прабабушку, которой так не хватало тепла в той далёкой степи. Но оставить

чтение она не может, история её не отпускает, и, пристроив тетрадь рядом с чашкой, Женька вновь погружается в чтение, одновременно прихлёбывая горячий чай.

Постепенно подруги привыкли к трудностям и уже их не замечали. Осознание того, что когда-нибудь в построенные ими дома заселятся люди, словно подогревало их изнутри. Однажды в бригаде появилась новая работница. Её звали Алия. Она была родом из глухой башкирской деревни, грамоты не знала, плохо говорила по-русски и потому обычно молчала. А ещё она почему-то всего боялась, вздрагивала при каждом ударе топора или молотка плотников. Позднее Евгения узнала, что Алия приехала сюда со спецпереселенцами и живёт в лагере за колючей проволокой, в убогой землянке, где холодно и сыро. За короткий промежуток времени от её большой семьи почти никого не осталось, лишь она да младший брат. Вши, клопы, крысы – всё это стало частью их жизни в лагере. Там постоянно вспыхивали эпидемии, и было множество смертей. Евгения поняла, что она ещё легко отделалась при своих дворянских корнях. Подумаешь, в институт не приняли! Вот Алия, например, дворянских корней не имела, всего лишь была дочерью зажиточного крестьянина, кулака, как называли его власти. А он просто хотел, чтобы в доме был достаток, чтобы его большая семья не голодала, и потому много работал. Вот и вся его вина. За это и угодил в разряд врагов народа и сгинул в южно-уральской степи. Тамара с Евгенией сразу взялись опекать девушку, порой угощали её чем-нибудь вкусным или дарили что-то из своих тёплых вещей. Алия смущалась, краснела и не знала, что сказать. Вскоре у неё появились тёплые варежки, связанные Марией Александровной из овечьей шерсти. А зачем Евгении несколько пар варежек? Она с удовольствием поделилась с подругой. Тамарин полосатый шарфик и такая же шапочка с помпоном очень удачно подошли к смуглому лицу Алии, сменив унылый, весь изъеденный молью платок. Девушка не знала, как ей благодарить своих новых подруг, и смотрела на них преданными глазами.

Женька опять откладывает в сторону тетрадь, берёт лист ватмана, карандаш и набрасывает картинки строящегося города. Вот река Урал и деревянный мост, который соединяет её берега. По мосту шагают девушки в комбинезонах, обляпанных брызгами краски и извести, в повязанных вокруг голов косынках. Из-под них выбиваются развеваемые ветром локоны. Девчата шагают с левого берега реки, где живут в одном из низких барачков, притулившихся на заднем плане возле дымящих домен. Одухотворённые лица, широкий шаг, уверенность во взглядах. Одному из девичьих лиц Женька старается придать черты Евгении Петровны. Та широко улыбается и держит под руки своих подруг. Получилось что-то наподобие плаката времён великих свершений социализма. Женька отошла, посмотрела со стороны и вздохнула. Показать бы этот рисунок Илье. Интересно, что бы он сказал? Она отложила работу в сторону и потянулась за чистым листом.

На втором её рисунке девушки стоят на лесах с мастерками в руках. Они штукатурят стены жилого дома. Вот это будет Алия, смуглая черноволосая красавица со слегка раскосыми глазами. Профиль получился вполне удачным. Она наклонилась к бадье с раствором и смотрит на Тамару, прабабушкинину подругу. Та уверенно держит в руке мастерок, бросая с него на стену вязкий раствор. Кажется, сейчас она начнёт его прихлопывать и разглаживать, выравнивая поверхность стены. А Евгения Петровна стоит спиной, она увлечённо работает шпателем. На заднем плане Женька попробовала изобразить соцгород, подробно описанный прабабушкой. Одинаковые трёхэтажные домики, уходящие вдаль, – проект известного немецкого архитектора, специально приглашённого в Россию. Простота и удобство. Скоро сюда въедут новосёлы, откроются в городе первые бани, столовые, детские сады. А однажды по его улицам пройдёт и первый трамвай, украшенный портретами Сталина.

Женька посмотрела на часы. Уже давно за полночь, а она так увлеклась прошлым, что и про сон забыла. Она быстро застелила постель и, укладываясь, проговорила с улыбкой:

– На новом месте приснись жених невесте!

Вообще-то, ей ещё вчера надо было вспомнить про это заклинание, но лучше поздно, чем никогда.

Жених и в самом деле приснился. Бывший. Почему-то они вместе едут на велосипеде. Вдруг Игорь оказывается вовсе не Игорь, а Илья. Он старательно крутит педали, а Женька сидит впереди него на раме – так её в детстве папа катал. Волосы развеивает ветерок, подол платья вздымается парусом, а губы Ильи нежно касаются Женькиной макушки. Неожиданно на дорожке появляется щенок. Он забавно переставляет свои короткие лапки, пытаясь убежать от велосипеда, а Илья, желая отогнать его в сторону, нажимает на звонок, который тренькает так громко, что Женька просыпается.

Оказывается, кто-то звонит в дверь.

– Ну, ты и спишь, Туманова! Уже полдень! – заворчала впорхнувшая в квартиру Светка и посмотрела на помятое лицо подруги. – Понятно! Всю ночь читала, да?

Женька сонно кивнула.

Следом за подругой вошли её пятилетние отпрыски Сеня и Веня.

– Можно я парней у тебя оставлю на пару часиков? У них в группе карантин. Извини, что без предупреждения, но я звонила, а ты трубку не брала. Мне надо очень срочно в одно место смотаться.

– А Стас чего? – сонно пробурчала хозяйка.

– А Стас сегодня работает! Первый день!

– Поздравляю! Это достижение! – усмехнулась Женька.

Закрыв за подругой дверь, она усадила мальчишек за стол, выдала им по листу ватмана и коробочку цветных карандашей, а сама отправилась на кухню варить кофе.

Когда она вернулась, то увидела, что мальчишки старательно раскрашивают её вчерашнюю работу. Девушки на лесах уже одеты в зелёные комбинезоны, разрисованные под камуфляж, а новые домики весело смотрят на неё под пририсованным в небе солнышком и сияют разноцветными стенами: жёлтыми, синими, оранжевыми.

– Что вы натворили? – в ужасе закричала Женька и схватила свой рисунок.

– Тётя Женя, мы просто хотели сделать тебе сюрприз, – поспешил оправдаться Сенька.

– Так ведь намного красивее! – добавил Веня.

– А разрешения спросить можно было? – сердито спросила она.

Парни захлопали носами, и Женьке стало неловко за свою строгость.

– А давайте сделаем макет города! – предложила она – Представьте, что мы с вами строители! И перед нами голая степь. Вот такая! – и она положила на стол крышку от большой картонной коробки.

– А что такое степь? – поинтересовался Веня. – Это как коробка, что ли?

– Нет, не коробка. Это такое место на нашей планете, где нет леса, только трава и мелкие кустарники, там обычно гуляет ветер и светит солнце. А зимой всё занесено снегом и дуют злые ветра, перемещая снег с одного места на другое.

– Значит, вот эта коробка – степь понарошку? – уточнил Сенька.

– Да, степь понарошку, – подтвердила Женька. – А мы с вами – строители, мы приехали сюда, чтобы построить город.

– И город будет понарошку?

– Конечно! Сейчас я принесу клей и бумагу, и мы будем возводить бумажные дома. Вот такие же красивые, как и те, что вы разрисовали.

И работа закипела. К возвращению Светланы в «нарошечной» степи уже стояли разноцветные домики, они были приклеены к картону ровными рядами, образуя улицы города. На бульваре в центре коробки выросли деревца, а по нарисованным рельсам бежал красно-жёлтый трамвайчик. Вдоль улиц стояли столбы-спички, а к ним были привязаны чёрные нитки-провода.

– Ничего себе! – воскликнула Светка, увидав, с каким старанием трудятся воображаемые строители.

– Мам, смотри! Это детский сад! А это школа! А тут у нас будет бассейн! – наперебой кричали мальчишки, тыкая в макет своими пальчиками.

– Ну, ты даёшь, подруга! В тебе умер великий педагог! – восхищённо проговорила Светка. – С таким увлечением они обычно только в компьютерные игры режутся.

– Им надо развивать мелкую моторику, – пояснила Женька. – Это очень важно для учёбы, у вас ведь школа не за горами.

– Замуж тебе надо выходить! И своих рожать, пока не поздно! – заключила подруга. – Судя по твоим предкам, да ещё с такой мамашей, это будут очень талантливые детки.

Женька в ответ лишь улыбнулась.

Вскоре гости уехали, забрав с собой «нарошечный» город, а Женька поспешила открыть заветную тетрадь. И чем больше она читала, тем большим уважением проникалась к своей прабабушке, которая никогда не пасовала перед трудностями, а преодолевала их и шла вперёд.

Через какое-то время она уже была назначена бригадиром. Постоянная тяга к знаниям, живой пылкий ум и желание постичь премудрости строительного производства, с которым она столкнулась волею судьбы, подвигли девушку поступить в строительный институт. Её дворянское происхождение тут никого не интересовало. Ведь теперь она была представителем пролетариата. Проучившись несколько лет без отрыва от производства, Евгения Петровна получила диплом инженера-строителя.

К началу 40-х годов она уже работала в проектно бюро строительного треста. К тому времени подруга Тамара вышла замуж за доменщика и переехала жить к нему, а Евгения получила отдельную комнату в одном из построенных ею же домов. Но её личная жизнь никак не складывалась. Парни, пытавшиеся ухаживать за нею, были малообразованны и неинтересны. Даже те, кто учились вместе с ней в институте. Ежегодно она навещала матушку, проводя в столице каждый свой отпуск. Та уговаривала дочь вернуться домой, и Евгения уже было собралась это сделать, тем более что и работа подходящая ей в Москве нашлась, но тут началась война. И опять жизнь закружилась-завертелась, неся новые беды. Стали прибывать эвакуированные из других городов заводы: оборудование, документация, люди. Прибывших расселяли в недостроенные дома, которые были ещё без внутренней отделки, подсаляли в квартиры, уплотняя местное население, да и старые бараки опять сгодились под жильё. Завод стал работать на оборону. А вскоре в город начали приходиться эшелоны с ранеными. На базе клубов, школ и других общественных зданий развернулись госпитали. Многим жителям города пришлось сменить профессию, ведь военное время требовало большого количества рабочих рук. Так Евгения Петровна начала трудиться на производстве снарядов.

Женька закрыла тетрадь. Она только успела порадоваться за прабабку, жизнь которой стала налаживаться, как вдруг подступила новая беда. Надо всё это переварить. Сейчас лучше переключиться на что-то другое, и она решила заглянуть в компьютер. Там было несколько писем от Ильи. «Женечка, почему ты мне не отвечаешь?» – спрашивал он в каждом из них. «Изучаю историю семьи», – коротко ответила она.

Глава 9

Вопросы без ответов

История прабабушки так захватила Женьку, что она не могла думать ни о чём другом. Что бы она ни делала, куда бы ни шла, она всё время прокручивала в голове события тех лет, мысленно рисовала картины прошлой жизни. Она пыталась представить, как выглядела комната Евгении Петровны, которую та наконец получила. Наверное, кроме кровати, там был какой-нибудь буфет или комод, наподобие тех, что достались в наследство Женьке. А вот книжный шкаф точно был. Прабабушка рассказывает, как в войну к ней подселили эвакуированную женщину с маленьким сыном. И тот шкаф стал стенкой, разделившей жилище на два крохотных личных пространства.

Новая работа Евгении Петровны была связана с изготовлением снарядов. Женька не представляла, что она там делала. Работала на станке? Но этому надо было специально учиться. Да и не женская это работа. Хотя в войну повсюду работали женщины. И ещё подработки. Да и необходимые профессии осваивались в сокращённые сроки. А может, она занималась изготовлением ящиков для снарядов? Или укладывала их? Об этом прабабушка Женя ничего не писала. Не написала она и об Илье Тарасовиче. Вернее, она упоминала о нём, как о грамотном инженере, интересном собеседнике, но о своих чувствах к нему или об истории их отношений почему-то умолчала. Женька поняла, что познакомились они на заводе, что общались исключительно по работе. От других работниц Евгения Петровна узнала, что Илья Тарасович потерял свою семью и тщетно пытается её найти. Но говорить об этом он не любил. Но ведь родила же она ребёнка! Ведь что-то же было между ними! Как узнать об этом?

Женька представила, как после войны прабабушка приехала в Москву с маленькой Марусей на руках. Матушка её, Мария Александровна обрадовалась приезду дочери и внучки. Так они и жили втроём в той самой комнате, где когда-то выросла Евгения Петровна. Она быстро нашла работу в столице, а Марусю (будущую Женькину бабу Машу) вверила своей матери, которая с удовольствием посвятила ей всю себя. До самого своего последнего дня. И беда ли, что у них всего одна комната на троих? Главное – война позади, и все они вместе. Уже много позже переедут они в отдельную квартиру, которую выделит Евгении Петровне её стройтрест. Вот в эту самую, где теперь предстоит проживать Женьке.

Она снова и снова брала в руки снимок, где молодая женщина держит на руках годовалую дочь. Всмотривалась в их лица. А ведь прабабушка и в самом деле неспроста так нарядилась. Она сделала это исключительно для фото, потому что знала, что отправит карточку отцу своего ребёнка и хотела хорошо выглядеть. Она хотела ему нравиться!

Годы жизни в столице, описанные прабабушкой, тоже не пролили никакого света на историю её любви. Она словно не хотела говорить об этом. Но об этом говорили её стихи. Они дышали любовью, даже если в них ни разу не встречалось это слово. Женька вновь и вновь перебирала листочки, перечитывала ровные прабабкины строчки. Некоторые она уже знала наизусть. Иногда, глядя на фотографию бабы Маши, она декламировала:

Кленовый лист, лоскутик солнца,
Лежит на мокрой мостовой.
Ему дочурка улыбнётся
И вновь напомним облик твой.
В её глазах твой взор сияет,
Её улыбка – твой привет.
И пусть тебя она не знает,

В ней – мой вопрос и твой ответ.

Навещавшая подругу Светка тоже любила почитать стихи Евгении Петровны. Иногда они вместе разглядывали её рисунки, пытаясь понять, что та хотела сказать. Чаще это были какие-то разрозненные фигурки, цветы, деревья. Иногда рисунок являлся иллюстрацией к стихотворению.

– Смотри, – поясняла подруге Женька, – каждая картинка как будто о чём-то говорит. В ней явно выражено настроение.

– Вообще-то, меня больше интересует твоё настроение, – заявила однажды Светка. – Но я вижу, что ты уже в порядке, на стенки больше не лезешь. И спасибо твоей прабабке за это! Она отвлекла тебя от твоих горестей.

– Пожалуй, – согласилась Женька. – Я и в самом деле очень увлеклась её судьбой.

– Вот и славненько! А у меня тут работа намечается. Запускается один интересный проект. Исторический, кстати! Ты со мной?

– Опять хлопушкой?

– Нет. Художником по гриму, конечно. Я уже порекомендовала тебя.

– С удовольствием! – радостно ответила Женька. Она уже начала скучать по работе.

Приступать ей предстояло через пару недель. Она решила пока заняться реставрацией старой мебели и начать с комода. Вынув маленькие верхние ящики, чтобы хорошенько отшкурить их, Женька обнаружила у задней стенки комода завалившийся туда пожелтевший от времени конверт. Сердце ёкнуло и забилось в предвкушении чего-то интересного. Письмо из прошлого! Оно было адресовано бабе Маше. Обратный адрес говорил, что пришло это послание из Магнитогорска, отправитель – Тамара Груздева. Уж не та ли Тамара, что была подругой прабабушки? Женька вынула из конверта тетрадный листок в клеточку и погрузилась в чтение.

«Здравствуй, Машенька!

Спасибо тебе, что сообщила о Женечкиной кончине. Мне очень жаль. Она была замечательным человеком и надёжным другом. Я часто её вспоминаю.

Ты спрашиваешь о своём отце. Я не так уж много знаю о нём, хотя и была с ним знакома. Его зовут Илья Тарасович Буткевич. Родом он из Белоруссии. В войну был здесь в эвакуации. Он потерял свою жену и дочь. Кто-то сообщил ему, что они погибли в бомбёжке. Ближе к концу войны он стал встречаться с твоей мамой. Они были очень красивой парой. Весной 1945 года, когда уехали эвакуированные, которые были к Женечке подселены, он перебрался к ней, и я видела, что они были очень счастливы. Он решил остаться тут, раз дома его никто не ждёт. А потом, уже зимой, перед самым новым годом, пришло известие, что семья его нашлась, жена и дочь оказались живы. Илья не знал, что ему делать: и Женю бросить не мог, и домой душа рвалась, всё-таки дочь там у него была и родители. Помаялся он так, да и решил ехать. Она гордая была, Женечка наша, и сильная, не просила его остаться, хотела, чтобы сам свой выбор сделал. Вот он его и сделал. Я знаю, что потом он писал ей, спрашивал, кто родился. Знаю, что она ему отвечала и даже карточку твою детскую отправила. Но однажды он прислал письмо, в котором попросил не писать ему больше, не рвать душу. Это она со мной уже позже поделилась, когда я к вам в гости приезжала.

И на вопрос, жив ли сейчас твой отец, я, к сожалению, ответить не могу. И адреса его не знаю.

Вот и всё, что я могу тебе рассказать, Машенька».

Женька дважды перечитала письмо. Оно подтверждало всё, что прежде написал ей Илья. На почтовом штемпеле можно было разобрать дату, письмо пришло в мае 1970 года. В то время у бабы Маши уже была двухлетняя дочь Сашенька. Александра Сергеевна. Получается, что бабушка Маша тогда осталась совсем одна, с малышкой на руках. Мама говорила, что у неё была какая-то няня. Надо будет расспросить её поподробнее. Теперь, когда с историей

прабабки всё более-менее стало ясно, Женька поняла, что судьба бабы Маши ей тоже мало известна. И если прабабку она никогда не видела и знала лишь по рассказам, то бабушка Маша была очень близким ей человеком. Она читала внучке книжки, рассказывала сказки перед сном, а по воскресеньям водила её в парк, где они непременно покупали мороженое. А ещё она учила Женьку читать, помогала ей с уроками. Слезы вдруг навернулись на глаза. Баба Маша! Родной, близкий, дорогой человек. Женька ощутила беспредельную тоску по ней. Как же странно получилось: сейчас она уже многое знает про Евгению Петровну, а о бабе Маше, любимой своей бабулечке, она не знает почти ничего! Женька бросилась вновь пересматривать содержимое всех ящичков и полок, какие только были в квартире. Вдруг баба Маша тоже оставила свои записи?! Но поиски не увенчались успехом – ни тетрадей, ни писем внучка не нашла. А жаль. И Женька переключилась на реставрацию старой бабушкиной мебели, но мысли её постоянно возвращались в прошлое.

Однажды она сидела на балконе и зачищала шкуркой ящик комода, когда позвонила Светка.

– Ты дома? – спросила она.

– Дома.

– Сейчас подъеду! – и подруга отключилась.

Вскоре у подъезда остановилась Светкина машина. Женька поспешила на кухню включить чайник. Пока она там хлопотала, раздался звонок. Не глядя в глазок, хозяйка распахнула дверь, ожидая, что это подруга, но перед ней стоял Илья. Женька остолбенела, совершенно лишившись дара речи.

– Привет! – сказал он с улыбкой.

– Привееет, – недоумевая, откуда он взялся, ответила хозяйка, впуская его в квартиру.

– Извини, что я без предупреждения, просто боялся, что иначе ты не захочешь меня видеть.

Женька промолчала. Правильно боялся, она бы не позволила ему приезжать сюда.

– Это всё моя подруга устроила?

– Нет, я сам приехал, просто разыскал её, а она уже и привезла меня сюда.

– Ну что ж, пойдём пить чай, коли приехал, – и она указала ему на кухню.

Поначалу разговор не клеился, каждый чувствовал себя неловко. Женька и сама не заметила, в какой момент напряжение вдруг исчезло, как будто и не бывало. Они сидели на кухне и говорили обо всём на свете. О работе, о живописи, об архитектуре Минска, с которой однажды он познакомил её. Потом разговор зашёл об их общем предке, и Женька показала гостю все прабабушкины бумаги и фотографии. Это была тема, которая сближала их и одновременно отдаляла друг от друга. Женьке было с Ильёй как-то особенно уютно и по-родственному тепло. И хотелось говорить бесконечно. И они говорили. О старинной мебели, которую она начала реставрировать, о Москве, которую надо обязательно показать Илье, хотя бы в знак благодарности за их прогулки по Минску, о рисунках, на которые Женька выплеснула своё видение прошлой жизни, – в общем, обо всём, что было интересно им обоим. И самое главное, что она поняла сейчас, – у них были не только одинаковые интересы, они зачастую одинаково мыслили. Тёплые чувства накрыли её с головой. Да, Илья ей очень дорог. Да, она его любит и не станет отрицать этого. Но ведь любовь её может быть и братской. Они могут оставаться добрыми друзьями. А почему бы и нет, если люди настолько близки духовно?

Конечно, этими размышлениями она пыталась обмануть саму себя. Ведь когда он ушёл, щемящее чувство тоски тут же подступило и с болью сжало сердце. Завтра они встречаются у Большого театра, чтобы погулять по городу. Завтра Женька устроит ему экскурсию по столице. А потом? Потом он уедет, а она вновь останется один на один со своим унынием.

Женька набрала номер подруги:

– Свет, это что за сюрпризы? Нельзя было заранее предупредить?

– Нельзя! Всё вышло очень неожиданно для меня самой. Мне позвонил Богдан, художник, с которым мы прежде работали в Минске, сказал, что надо срочно встретиться. А на встречу он привёл Илью и попросил помочь ему найти тебя. Я посадила его в машину и привезла. А что мне оставалось делать? Звонить при нём, что я везу его к тебе? Ты бы нас не впустила или сбежала куда-нибудь. По-моему, сюрприз вполне удался! Или ты не рада встрече?

– Не знаю, что и сказать. Ничего не знаю.

– Ладно, ты там приходи в себя, а я пойду отмывать своих поросят. Ты им такой заряд творчества задала, что они никак не остановятся, всё что-то лепят, клеят, рисуют. Вся квартира в бумажных обрезках, пластилине и канцелярском клее. Стас уже шипит на меня, пришлось мне с умным видом припечатать его твоими словами про мелкую моторику!

Женька рассмеялась:

– Удачи твоим юным творцам!

Разговор с подругой немного развеял её дурное настроение. В конце концов, не так уж всё и плохо. Завтра она снова увидит Илью, и они весь день проведут вместе. А о том, что будет, когда он уедет, лучше пока не думать.

Глава 10

Улочки московские

Утром Женька долго выбирала наряд. Жаль, что лето уже подходит к концу, и лёгкие платьица, которые ей так к лицу, уже не наденешь. Она отодвинула их в сторонку и стала рассматривать более подходящие варианты. Чего греха таить, ей хотелось быть привлекательной, может быть, даже обольстительной, притягивать взоры и удивлять. Но она ведь не на свидание идёт, это просто встреча дальних родственников. Просто встреча. Просто прогулка. И она выбрала стандартный комплект – джинсы и рубашку с длинным рукавом. А к ним – лёгкие спортивные туфли, чтобы ноги не так сильно устали.

Конечно, она волновалась, пока ехала на эту встречу. А как же иначе? А ещё она думала о том, куда лучше повести Илью. Кремлём и Красной площадью его не удивишь. Вчера он сказал, что уже не впервые в столице. Воробьёвы горы? Храм Христа Спасителя? Арбат? Наверняка он всё это видел. И тогда она решила, что покажет ему свои любимые уголки города, тихие узкие улочки, где она любит иногда побродить в одиночестве.

Илья сидел на скамейке у Большого театра и любовался фонтаном. Едва завидев Женьку, он встал и помахал ей рукой. Она помахала в ответ, направляясь к нему. Мир вокруг полыхал разноцветными красками. На бордюрах и клумбах пестрели цветы, высаженные затейливыми узорами. Яркие всполохи петуний на них слегка приглушались серебром цинерарий. Брызги фонтана, подхватываемые ветерком, лёгкой влажной пылью касались Женькиного лица. Солнце дарило своё тепло, заглядывая прямо в глаза. Последние дни августа – уже не лето, но ещё и не осень. В воздухе как будто поселилась светлая грусть, рождающая в душе лёгкое сожаление об уходящем. Такие дни как-то по-особому ценишь. Ещё хочется продлить тепло и свежесть летних красок, но неизбежность предстоящих перемен уже даёт о себе знать. Странное ощущение – душа и грустит, и радуется одновременно.

– Ну что? – спросила Женька, приблизившись. – Ты готов сбить свои ноги о московские мостовые? Сегодня у нас будет большая пешая прогулка.

– Так точно! Готов! – встав на вытяжку, ответил Илья с улыбкой, и Женька улыбнулась в ответ.

Они долго бродили старыми улочками-переулками. Женька обожала эти милые уголки Москвы. Камергерский и Столешников, Кузнецкий Мост, Петровка, Неглинная – сами названия тут дышат историей. Илья сознался, что никогда здесь прежде не бывал. Они неспешно шагали, любуясь старинными особняками, рассматривая лепнину, изящные балкончики, кованые ограды, купола многочисленных церквей. Присаживались на скамейки, отдыхали и шли дальше, заглядывая в подворотни, сворачивая в переулочки и периодически возвращаясь назад. Пообедали в одном из уличных кафе и продолжили прогулку, наслаждаясь стариной и обществом друг друга. После обеда забрели на Маросейку, с неё свернули в Старосадский переулок и, шагая под гору, невольно залюбовались шпилем лютеранского собора на противоположной стороне.

– Давай заглянем внутрь! – предложил Илья, и они вошли в храм. Вход в зал, где звучал орган, был перекрыт скамьёй. Видимо, шла репетиция перед вечерним концертом, о котором они узнали из афиши. Постояли немного, вслушиваясь в звуки, на душе у Женьки стало как-то по-особому светло и даже чуточку торжественно. Вспомнили, как когда-то слушали орган в костёле Святого Роха, решили, что однажды они обязательно придут сюда на концерт, и двинулись дальше, за новыми впечатлениями.

Ближе к вечеру они выбрались на Каретный Ряд и заглянули в сад Эрмитаж. Он был изумительно хорош с его зеленью газонов, ароматом цветущих роз и тёплым светом клоня-

щегося в сторону горизонта солнца, лучи которого проникали сквозь кроны размашистых деревьев и мягко ложились на дорожки, обрамлённые яркими бордюрами бегоний и бальзаминов. Женька любила здесь бывать. Особенно нравились ей стоящие вдоль аллей белые фонарные столбы с гроздьями шаров-светильников. Здесь всегда чувствовалась какая-то особая, неспешная атмосфера отдыха. На многочисленных скамейках сидели парочки, в шезлонгах возле кафе расположились завсегда с книгами или газетами в руках, с детской площадки доносились радостные возгласы детворы, а возле большого металлического сердца, памятника всем влюблённым, фотографировалась приятная немолодая пара. Дама в элегантном костюме небесно-голубого цвета и маленькой шляпке с вуалеткой невольно притягивала к себе взгляды. Импозантный мужчина с довольным видом держал свою спутницу под руку. Наверное, празднуют какое-то важное событие, возможно, очередную годовщину свадьбы. Не всем так везёт в жизни, чтобы прожить вместе довольно долго и сохранить при этом тёплые чувства. А уж в Женькиной семье такого никогда не было и, скорей всего, не будет.

Она привела Илью к фонтану и опустилась на одну из стоящих по окружности скамеек.

– Всё! Теперь я уже не встану, – сказала она, вытягивая уставшие ноги.

– Придётся мне нести тебя на руках, – улыбнулся Илья.

– Далеко нести придётся!

– Я готов всю жизнь тебя носить, лишь бы ты позволила, – без тени улыбки проговорил

Илья.

– Если мы не будем касаться этой темы, то сможем сохранить добрые отношения на всю жизнь, – как можно мягче произнесла Женька. Ей не хотелось отталкивать его, но и позволять думать о чём-то большем, чем дружба, было нельзя.

Они немного помолчали.

– Знаешь, – первым заговорил Илья, – мне хотелось бы навестить могилу твоей прабабушки. Цветы принести. Как запоздалый привет от моего прадеда... вернее, от нашего. И вообще...

– Хорошо, – согласилась Женька, – завтра съездим.

Илья кивнул. На душе у неё потеплело – он ещё не уезжает, и завтра они вновь увидятся!

Расстались в метро. Женька не разрешила провожать себя. Уж слишком хорошо сегодня сложился день, чтобы в завершение испортить его. Она боялась, что не устоит и позволит Илье подняться в квартиру. А там... Там будет сложно бороться с собой и своими чувствами. Жаль. Бесконечно жаль, что она не может представить его маме в качестве жениха. Познакомься, мама, это мой брат и я выхожу за него замуж! Ничего глупее не придумаешь. Вообще-то, замуж её никто и не звал, только на руках носить пообещали. Женька улыбнулась, вспомнив, каким тоном это было сказано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.